

**СДЕЛАНО
В СССР**

**ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

ЛОМБАРД В ХАМОВНИКАХ

Михаил Кубеев

Сделано в СССР. Любимый детектив

Михаил Кубеев

Ломбард в Хамовниках

«ВЕЧЕ»

2016

Кубеев М. Н.

Ломбард в Хамовниках / М. Н. Кубеев — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Сделано в СССР. Любимый детектив)

ISBN 978-5-4444-8784-6

Повесть «Ломбард в Хамовниках» известного писателя-историка Михаила Николаевича Кубеева (1942 г.р.) создана на основе документальных материалов о работе Московского уголовного розыска в 1918–1919 годах. Банды налетчиков орудуют в новой столице. Повальные грабежи и убийства наводят ужас на ее население. Прибывший из Петрограда в Москву новый руководитель МУРа Александр Трапалов, его помощник Сергей Будылин и другие сотрудники уголовного розыска готовят ловушку для кровавой банды, возглавляемой рецидивистом Сафоновым по кличке Сабан. Но разгромить эту банду оказалось непросто...

ISBN 978-5-4444-8784-6

© Кубеев М. Н., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Операция «Инкогнито»	6
Подготовка к встрече	15
Старорежимная карта	20
Интеллигент-взломщик	25
Портреты жиганов	31
«Золотой котел» для главаря	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Кубеев

Ломбард в Хамовниках

© Кубеев М. Н., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Операция «Инкогнито»

Установить новую вывеску перед главным входом не успели. Старую, оставшуюся от царских времен «Московская сыскная полиция», с золотыми вензелями и двуглавым орлом, убрали подальше на чердак. Как сказал новый начальник Московского управления уголовного розыска, прибывший из Питера бывший балтийский матрос с броненосного крейсера «Рюрик», Александр Максимович Трапалов, Царство ей Небесное. Но не крестился. Только с улыбкой добавил, лучше бы, конечно, отправить ее в преисподнюю, где самое место всему старорежимному, отжившему свое. Но вот завхоз Назар Касьянов, старожил московской уголовки, со своей стороны, пояснил ретивому начальнику, что в подвал вывеску нельзя, там вода, крысы, будут грызть дерево, а вот с новой вывеской заминка вышла. И ехидно добавлял, в управлении на нее пока денег не выделили. Придется подождать. И на стене возле высоких входных дверей, словно мишень, уже четвертую неделю выделялся светлый квадрат с черными метинами от крепежных болтов, будто следами от пуль.

Уже четвертую неделю Сергей Будилин, двадцатилетний практиканта, мечтавший о настоящей розыскной работе, каждое утро приходил к желтому двухэтажному зданию в Большом Гнездниковском переулке под номером восемь, где располагалось созданное спустя год после революции Московское управление уголовного розыска (МУУР). Каждое утро ровно в половине девятого он предъявлял свой розовый мандат часовому, стоявшему около светлого квадрата на стене. Тот, придав себе начальственный вид, изучал бумагу, шевелил губами. Но после прочтения не убирал свою трехлинейку, проявлял революционную бдительность, настороженно спрашивал:

– А вы к кому будете? – И щурил глазки.

И хотя часовому совсем не обязательно было знать, к кому направлялся практиканта Будилин, тот также негромко, но со значением четко произносил:

– К начальнику уголовного розыска.

После этих слов часовой вытягивался в струнку и пропускал к двери серьезного практиканта.

Сергей после прибытия из Петрограда поселился в небольшой комнатенке в районе с веселым названием Разгуляй. Это как понимать? Разгул? Пьянство? Ну и ну! Давно пора переименовать все районы Москвы, разом разделаться со всем старорежимным, как с вывеской на здании уголовного розыска. Сергей никак не мог привыкнуть к этому разбросанному городу. Улицы путаные, кривые, дома на них теснились низкорослые, в большинстве двухэтажные. Редко мимо них по булыжной мостовой грохотали открытые тарантасы с пассажирами. Извозчики в отдаленные районы заезжали неохотно, там дома деревянные, кто в них живет-то? Голышба безденежная. Хочешь на окраину – плати двойную цену. Сергей деньги экономил, на трамваи не цеплялся и, как многие другие служащие, топал ножками. От Разгуляя по Покровке к Маросейке, от нее далее к Лубянской площади. Когда шел мимо Большого театра, мимо здания бывшей Городской думы и видел слева красные башни Кремля с гербовыми двуглавыми орлами, то понимал, что находится в центре, в Москве, в столице. Но особого восторга от этого не испытывал. Увы, даже главная Тверская с ее генерал-губернаторским дворцом и Скобелевской площадью, с памятником генералу Скобелеву на ней, его не прельщали. Другое дело его родной Питер. В нем вместо улиц были широкие проспекты, и дома на них высались архитектурные, куда изящнее и наряднее. И Нева полноводнее Москвы-реки. В прежней столице все дышало былым самодержавием, величием прошлых царей, императоров. Там и вывески были нарядные. По набережным там грохотали дымные «моторы», правда, последнее время их сменили пролетки на шинах-дутышах. Все равно богатый город. Он с грустью вздыхал. Вот уже

действительно, Москва походила на большую деревню. Может быть, потому и развелось в ней множество бандитских формирований? Не поспешили сделать ее столицей?

Сергей быстро двигался по коридору первого этажа мимо разных подсобных служб МУУРа, проскачивал, зажав нос, мимо туалетов, где плохо закрывались двери и откуда доносились журчание воды. Но зато когда проходил возле недавно открытой местной столовки, шаг замедлял. И сильнее втягивал носом воздух. Старался угадать, что там готовят на завтрак или на обед. Оттуда часто тянулись дразнящие запахи какого-нибудь вкусного варева. Особенно хорошо получалась у поварих гречневая каша с жареным луком, просто обильное. И если, случалось, к ней добавляли еще печенки... В Питере такими деликатесами практикантов не потчевали. Все-таки он признавал, что в новой столице жизнь была сытнее. Трепалов знал чем соблазнить молодого практиканта, окончившего курс юридического факультета университета – солидным пайком, денежным довольствием и перспективой стать не просто милиционером, а настоящим пролетарским сыщиком-следователем.

Сергей легко взлетал на второй этаж. Ему предстояло пройти мимо отдела «братьев-сыскарей». Так между своими называли молодых сотрудников, служивших в отделе по борьбе с бандитизмом. Правда, москвичи, падкие на разного рода обидные прозвища, с легкой руки расплодившихся жиганов и мазуриков тотчас окрестили всех сотрудников МУУРа «мурками». Обидно? Конечно. Но, с другой стороны, не очень. Жиганы горазды только в бессильной злобе сыпать разными прозвищами, давать обидные клички. Жаль, что некоторые несознательные москвичи пошли у них на поводу.

У открытых окон курили те самые новоиспеченные «братьцы-сыскари». Это были молодые парни, чуть старше Сергея, еще недавно служившие в Красной армии. Они ждали начальника отдела для утреннего инструктажа. Парней отобрали из числа добровольцев, у которых были хорошие физические данные, они умели метко стрелять, отличались дисциплинированностью, могли читать, писать и хотели служить в милиции. Они были, по сути, такими же практикантами, как и Сергей, но участвовали уже в проведении разных операций по поимке бандитов, патрулировали улицы, задерживали подозрительные личности. Ну и, конечно, кое-кого из них готовили к агентурной работе, то есть особенно шустрых, внедряли в банды. Муровцам надо было узнавать секреты грабителей. Иначе как работать? Служить в негласной агентуре среди оголтелых воров, грабителей и убийц означало каждый день подвергать свою жизнь опасности. Хороших агентов не хватало. В Москве развелось огромное количество разных малин, притонов, скопок краденого, подпольных ломбардов. Кто их считал? Непростой оказалась эта задача – внедрять туда своих сотрудников.

Как всегда перед утренним инструктажем парни смолили самокрутки. Давились сизым махорочным дымом, кашляли, но все равно курили. Они обсуждали задержания, случившиеся за вчерашний день, и травили байки. Сергей с парнями уже познакомился, но дистанцию соблюдал. Их было четверо: начинающий агент Илья Петров, круглолицый веснушчатый деревенский парень со смешно оттопыренными ушами, но зато с солидными кулаками; рядом с ним скользкий, похожий на калмыка, Семен Дегуня, по прозвищу Деготь, этот стрелял метко, почти не целясь; опытный агент-криминалист с бородкой Вадим Акимов; и, наконец, заводила сообщества, сыскарь с опытом оперативной работы Филенок, он же Артем Филонов, коротко стриженный, с рыжим чубчиком, торчавшим из-под фуражки, лихо сдвинутой на правое ухо. Развязный парень, любитель почесать языком, но в деле отличался отвагой, бандитов не боялся.

«Мурки, это совсем не обидно, – поучал он. – Вначале нас, милиционеров, называли еще хуже, просто мусора. Но когда я пришел в управление, мусор быстро убрали. С помощью моей “пушки”. Грохнул в пол и в потолок, вот и стал я молоток!» Он похлопывал себя по правому карману, где носил револьвер, растягивал рот в улыбке, ждал реакции. Парни довольно улыбались. Поняли шутку. Сергей замедлил шаг. А Филенок, вроде не замечая приближавшегося практиканта, старался вовсю, хотел показать парням свою осведомленность и важность.

«Слово “мусор”, – нарочито громко продолжал он, – пошло от московского уголовного сыска. Чужаки этого не знают. Но теперь-то царского сыска нет, вывеску сняли, стало быть, и мусоров нет». – «А кто же мы теперь?» – недоуменно спрашивал Деготь.

«А мы, – криво ухмылялся Филенок, – мы и есть пролетарские кошки-murki, которых должны бояться буржуйские мышки-урки». Все снова смеялись. «Но не думайте, что если мурка встала на задние лапки, то мышки спрятались в норки, и все, бандитов нет. Ошибаетесь, мышки они большие притворы, они все время следят за кошкой. Вот когда появится у нас на здании новая вывеска, тогда мышки поймут, что им хана настала, от страха, поверьте, наделяют кучу и лужу и от одного своего ядовитого запаха разбегутся в разные стороны. И с бандитизмом в Москве будет покончено. Это мое последнее слово. Все дело в вывеске!» И он рукой обводил свою ехидно улыбающуюся физиономию.

Будилин остановился возле них. Молодые сотрудники разом смолкли, перестали смеяться. Они выпустили сизый дым в открытое окно и выразительно смотрели на Филенка: мол, осторожно, практикант рядом. Сергей поздоровался с каждым за руку. Петров услужливо предложил ему деревенской махорочки, Деготь протянул кусочек газетного листа, а Филенок вынимал серные спички, Акимов, как некурящий, только развел руками. Сергей отказался. Он никогда не курил. Не его привычка. Они еще некоторое время перебрасывались незначительными фразами, шутили, и ему невольно приходилось тоже растягивать губы, слушать продолжение трепа. Так, походя, он узнал, что презрительное слово «легавые» прицепилось к милиционерам от легавых собак, которые бегают, высунув язык, «пролетарием» же кличут тех, кто злоупотребляет спиртным, а вот «большая жмурня» – это уже, извините, городской морг. Но оттуда выход один – на кладбище...

Филенок с первого взгляда не понравился Сергею. Строит из себя какого-то махрового сыщика, только без понятия, какого. Ну не Алана же Пинкертон, о котором он ничего не знает. Сергей как-то в присутствии парней спросил его, уж не Пинкертону ли он подражает, тот уставился на него, не понимая, о чем речь. Пришлось ему и всей ораве толково пояснить, что знаменитый американский сыщик, гроза воров, разбойников Аллан Пинкертон. Он был сначала шерифом, ну, главным судебным властителем в одном американском графстве. Потом создал собственное розыскное агентство и специализировался как раз на раскрытии краж на железной дороге. Выдающийся сыщик. Понятно?

Откуда ты это знаешь, бросил фразу обескураженный Филенок. Сергей насмешливо улыбнулся, нам преподавали пинкертоновщину на первом курсе в университете. Могу принести книгу о нем, почитаете. Филенок прикусил язык, желание читать не выразил. Ну как же, одолживать книгу у питерского! Еще чего! Вот с того времени не очень жаловал он приезжего из Питера, всезнайку Будилина.

Понятно, что блатные высказывания, принесенные с улицы Филенком, другими парнями, особого интереса у Сергея не вызывали. В них ощущалось влияние жаргона московских уголовников низкого пошиба, всяких подзaborных. Ну не на них же равняться. Однако, с другой стороны, эти грубо-шуточные прибауточки, как ни странно, цеплялись, запоминались и повторялись. Да и Трапалов на теоретических занятиях поучал молодежь, говорил, что жаргон, или по-воровскому «феня», – это речь деклассированных вымирающих элементов. И чтобы вы, «братьцы-сыскари», знали, феня произошла от бродячих торговцев, которых называли офицерами. Преступники взяли от них наиболее типичные сочные выражения. Делалось это с одной целью – иметь свой скрытный язык, отличаться от городских обывателей, чтобы по «фене» можно было сразу опознать своего. Понятно говорю? И вам, молодые сотрудники уголовного розыска, «феню» надо знать. Это есть настоящий воровской язык, ключ к блатному миру. Может случиться, что кому-то из вас придется оказаться в малине или другом притоне. И если вы покажете там свое умение «по фене ботать», то вас признают за своего. На экзаменах мы

вас, «братцы», проинспектируем, сведем с настоящими урками, они либо подтвердят вашу пригодность, либо...

Сергей шел по коридору дальше. Парни пожимали плечами, смотрели ему вслед, перешептывались. Ишь, какой важный! Курс университета кончил. Не начальник, но все повадки имеет. Они знали, что этот серьезный питерский идет к Трепалову, к своему земляку. Тот сам год назад, как приехал в Москву. Похоже, что главный начальник будет обсуждать с практикантом планы подготовки новой операции. Все догадывались какой. Наступал решительный этап в борьбе с бандами. В Москве их развелось свыше тридцати. Одна страшней другой. Что ни день, то убийства, грабежи, насилия, выстрелы, взрывы. Житья от бандитов не стало. Москвичи по вечерам боялись появляться на плохо освещенных улицах – шпаны развелось – не пройти. Но самой жестокой среди прочих московских банд считалась банда Сабана, многократно судимого уголовника, которому помогал бывший царский офицер, некто по прозвищу Капитан. Этот армейский служака из прошлого мстил пролетариям, отобравшим у него собственность, и поставил под ружье почти сорок человек! Целая рота! Все до зубов вооружены. У каждого в кармане финка, револьвер или «пушка», взрывные бомбочки. Такие запросто могли напасть на отделение милиции и перестрелять там всех и вся.

Может быть, на Сабана готовится облава, дошла его очередь? Или на Яшку-Кошелька? Этот тоже приосанился, набрал головорезов, почище, чем у Сабана и грозился весь город поставить на колени. Тоже царь зверей нашелся. Но почему именно с новичком Трепалов обсуждал особенности предстоящей сложной операции? Не слишком ли большая честь?

Дело не в чести, объяснял своим напарникам желавший поправить свой пошатнувшийся авторитет Филенок. Дело в том, что заместитель Трепалова серьезно заболел. А свято место пусто не бывает. Вот новичок и подсуетился – практикуется. Примеривает новую должность.

Ошибался в своем прогнозе Филенок. Причина сближения двух бывших питерских крылась в другом. «Братцы-сыскари» не знали главного – Будилин близко сошелся с Трепаловым еще в петроградском угро, в котором ранее служил отец Будилина. Во время операции по поимке главаря банды Боцмана, наводившего ужас на жителей Петрограда, старший Будилин был смертельно ранен и просил Трепалова стать опекуном над его единственным сыном, студентом университета. Трепалов пообещал. Потому и учил молодого сотрудника, который бросил учебу, разным премудростям милиционской службы, прививал ему кодекс чести работника правоохранительных органов новой пролетарской власти. Понятно, что в Москве, на новом месте начальнику хотелось видеть рядом знакомые лица, которым безоговорочно доверял. Короче, даже Филенок, уж на что пронырливый человек, входил в приемную начальника, где властвовала голубоглазая блондинка секретарша Иринка Сомова, и тот ничего толком не знал, какие беседы проводил начальник со своим подчиненным. Но, подражая поучающей манере Трепалова, Филенок многозначительно поднимал палец кверху и шепотом возвещал: «Это большая тайна. И вы, братцы-сыскари, теперь держись, – он сильнее понижал голос, – приезд питерские возьмутся за нас. Они хвоста всем московским муркам накрутят, а потом... Готовьтесь к боевой операции... по отсечению хвостов»...

Сергей остановился перед обитой коричневой кожей дверью кабинета. На вывеске значилось: «Начальник МУУРа», ниже табличка – «Приемная». Прежде чем пройти к Трепалову, надо было поздороваться с секретаршей Ириной Сомовой, пройти ее контроль. Когда Сергей после осторожного стука открыл дверь, то увидел девушку, сидевшую у окна за новенькой пишущей машинкой «Ундервуд». Ирина осваивала незнакомую американскую технику – усердно била по клавишам, с щелканьем и звоном двигала каретку. Но вот она обернулась в сторону вошедшего. И весь ее облик сделался томным. Ирина заморгала, стала поправлять выющиеся светлые волосы, ее взгляд совершил привычный путь – в угол, на нос, на предмет. Так раньше воспитанные светские барышни старались кокетничать с предметом своего знакомства.

Подобно часовому внизу Ирина расспросила практиканта Будилина, по какому он делу, повертела в руках его мандат. И только после этой привычной процедуры разрешала войти в кабинет.

– Ты слышал что-нибудь о новых налетах питерской банды Боцмана? – с ходу после рукопожатия начал Трепалов.

– За последнее время нет.

– Вот видишь, значит, наши ребята там неплохо поработали.

– Да, но перед моим отъездом в Москву на Сенной было совершено ограбление нескольких ларьков. Потом вечером того же дня налетчики Боцмана пытались взять кассу на Николаевском вокзале...

– Ха, именно, пытались. И ничего у них не вышло, верно? – прервал Сергея Трепалов.

– Видимо, сорвалось? – не понял Сергей.

– Не сорвалось. У них не было заводилы, не было главаря Боцмана. И все дела. Боцмана убили наши в перестрелке. Отомстили за твоего отца. Нового вожака парни себе не выбрали, переругались, чуть не перестреляли друг друга. Короче, банда Боцмана, по сути, распалась и кассу на вокзале взять не сумели.

– Наши молодцы, постарались.

– Молодцы, конечно. Нет Боцмана, нет его банды, нет дерзких ограблений. Человек не может жить без головы, правильно? Вот и в Москве нам надо устраниТЬ прежде всего главарей. Нет главаря – и банда распадается. Понял задачу? А уж Боцман куражился, помню, хвастал, что всех милиционеров повяжет, в Неву сбросит. Хотел нас утопить. Не вышло.

– А в чем наша задача-то? – не удержался от вопроса Сергей.

– Вот об этом я и хотел с тобой поговорить, – сказал Трепалов, усадил Сергея на кожаный диван, а сам подошел к окну. Он теребил короткую штору, смотрел на узкую неприметную улицу. По ней изредка громыхали подводы, пробегала легкая повозка, иной бургуйский экипаж. Бородатый дворник в высоком картузе и в белом переднике убирал в совок навозные кучи. Дворник поднял голову, посмотрел в окно, Трепалов опустил штору и отошел в сторону.

– Этот Боцман, тоже бывший моряк, только с гнилым нутром, оказался прозорливым налетчиком. Хитрый бестия, он многое рассчитал наперед. Мы думали, что разгромим его банду – и все, в Питере наладится нормальная жизнь. В общем, стало полегче. Но теперь сложная ситуация перекидывается на Москву. Этот Боцман, когда был жив, задумал наладить связи с московскими жиганами. Понимаешь его хитрость?

Сергей послушно закивал головой, хотя и не очень понимал, о какой хитрости идет речь.

– Боцман хотел наладить налеты в Москве. Ограбил в столице магазин, склад, артель, сел в поезд, оказался среди мешочников и вернулся домой в Петроград с ценной поклажей. Пойди поймай его. Боцмана нет, а его идея жива. И теперь от имени Боцмана питерские мазурики направляют в Москву на тайные переговоры с московскими бандюганами своего посланца. Собираются вместе совершать налеты.

– Вот это новость, – удивился Сергей. – Известно кого направляют?

– К сожалению, в телеграмме, которую мне принесли, это не указано. – Трепалов нахмурил брови и взял листок. – Написано лишь, что в Москву едет близкий к Боцману человек. Он будет одет в светлое коверковое пальто, на шее у него белый шарф, а на голове шляпакотелок. В левой руке саквояж. Вид представительный. Вооружен, есть финка и «пушка». Все, точка. А ты видел когда-нибудь коверковое пальто? – Глаза у Трепалова сузились. Он встал из-за стола, подошел к дивану. Сергей поднял голову и неуверенно потряс головой.

– Нет, не знаю, что это такое.

– Это, брат, плотная диагональная английская ткань для верхнего платья. Очень дорогая. Только состоятельный буржуи шьют себе из нее пальто, костюмы. Так что питерские жиганы лично экипируют солидно. Задумали серьезное дело. Такая подготовка... – Трепалов пока-

чал головой. – Тебе надо будет сходить в ателье и посмотреть этот коверкот. Такое пальто, скорее всего, подойдет Боре Артисту, его называют еще Боря с моря, по внешности интеллигент. Смотрится молодо, на сцене моряков играл. Ему только пузо мешает. Но ближе всех к Боцману был Алешка-Колдун, крепкий парень, из деревни. Для понта они могут нарядить, конечно, любого, в том числе и Алешку-Колдуна. Короче, я полагаю, что кто-то из этих двух типов едет в Москву. Ты обоих помнишь?

– Нет, по фотографии только Артиста, Борю с моря. Он такой валльяжный, манерный. Ему не моряков изображать, а барышень играть. У него губки бантиком.

– Ха-ха-ха, верное описание. Похож. – Трепалов довольно потер ладони. – Зато у него голова хорошо варит. Итак, Алешку-Колдуна ты не видел?

– Нет.

– Как ни странно, он имеет сходство со мной. – Трепалов улыбнулся. – Круглолиц, широкоплеч. Теперь слушай дальше. Питерские уркаганы задумали организовать большой шмон в Москве.

– В Москве? Шмон? – сбитый с толку, спросил Сергей.

– Вот именно. – Трепалов сел за стол.

– Зачем это им? – не понимал Сергей. – Чего им Питера мало, с какой стати ехать в Москву? Семь верст киселя хлебать.

– Ну-ну. Есть свой резон, есть. Скоро посевной период начинается, май на носу. Москвичи – большие огородники. Они семьями на выходные потянутся в деревни, на свои делянки, картошку сажать, чесночек, укропчик. Вон как потеплело, до пятнадцати градусов. Это значит, что многие квартиры опустеют, это раз. К железнодорожным кассам выстроются очереди, это два, больше будут покупать билетов. Следовательно, третье, в железнодорожных кассах появится много денег. Как охраняются кассы, ты знаешь?

– Нет, не представляю. Но думаю, что два милиционера на весь вокзал. Хорошо если в Москве. А в пригородных кассах? Там, пожалуй, никакой охраны нет.

– Вот именно. Я тоже так думаю. А вот московские жиганы знают об этом наверняка. Они и милиционеров тоже знают. У жиганов все вокзалы Москвы на учете. Есть у них там свои осведомители среди карманников, побирушек и притвор-инвалидов. Скоро возьмутся за подмосковные. В общем, бандиты столичные, как видишь, народ очень даже шибко организованный. Они ждут посланца из Питера. Но его внешность им незнакома. Его в Москве никто не видел и никто не разговаривал с ним. Инкогнито!

– А это кто такой? – насторожился Сергей.

– Это по-латыни означает «неизвестный человек». Я тебе, бывшему студенту юрфака, дам на ночь словарик иностранных слов. Ты подучи. Теперь далее. Вполне возможно, что питерские передали московским описание внешности едущего к ним…

– Инкогнито? – неожиданно для себя вставил Сергей.

Трепалов посмотрел на него с удивлением.

– Молодец, ухватил. – Он довольно покачал головой. – Так и назовем нашу операцию «Инкогнито». Значит, московские жиганы ждут человека в коверковом пальто с котелком на голове, с белым шарфом и с саквояжем в левой руке. Такого нельзя не заметить. Если тебя, к примеру, одеть в коверковое пальто, на голову насадить котелок и шею обмотать белым шарфом, то ты станешь Артистом. Тебя вполне можно признать за посланца из Питера, верно я говорю? Ручки у тебя чистые, белые. Питер хорошо знаешь, не ошибешься. Не Боря с моря, другой Артист, но очень тоже неплох. Остается подучить тебе бандитскую феню… Я правильно говорю?

– Правильно. Так вы хотите меня…

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Трепалов. – Да, я думал сделать тебя подсадной уткой. Была такая задумка. Схватим Артиста на вокзале, отберем у него одежду и нарядим тебя. Но

потом решил нет, не годишься ты для внедрения. Тебя быстро раскусят. Нет в тебе уголовной закваски. Так что не волнуйся. – Трапалов отрицательно закрутил головой и развел руки. – Твое время придет. Пусть к нам приедет питерский посланец «Инкогнито». Настоящий. Пусть московские урки его встречают и начинают переговоры. У тебя будет другая задача. Кстати, по нашим агентурным данным встречать «Инкогнито» должен московский уголовник, который будет в темном драповом пальто, в кепке с ушками и с кожаным портфелем в правой руке. Так они узнают друг друга. Чуешь, какой интересный складывается марьяж?

– Итак, к нам едет… «Инкогнито». – Сергей отчетливо произнес понравившееся ему иностранное слово.

– Вот именно, едет не ревизор, а «Инкогнито». Но только этот разговор между нами, пока никому ни слова. Договорились? Есть у меня некоторые соображения, позднее скажу тебе о них. Мое пролетарское чутье подсказывает, что весь этот маскарад с красивыми пальто, саквояжами и портфелями, как бы вывеска, ширма. Для простофилей. Понимаешь? Зачем воровским парням из Питера и Москвы напяливать на себя шикарные шмотки? Слишком заметно. Нет ли здесь подвоха? Кто им подсказал такую идею? И для чего им делать из себя ряженых? Может быть, для нас, для легавых? Что ты скажешь на это?

– Вы думаете, они специально распускают эту басню, чтобы мы купились на нее? Поверили? А на самом деле никаких коверковых и драповых пальто не будет. Приедет серенький, незаметный. А мы будем ждать коверковое пальто? И потеряем след.

– Именно этого я и опасаюсь. Потому и вызвал тебя. Но пока наш «Инкогнито» коверковое пальто не снимал. Иначе я бы не стал заводить о нем разговор. Дальше узнаешь его историю. С другой стороны, нашим жиганам иногда очень хочется пофорсить, превратиться хотя бы на время в респектабельных буржуа, одеться красиво, посидеть в дорогом ресторане, пощелкать золотым портсигаром,пустить дымные колечки в зале, в общем,пустить пыль в глаза окружающим. Они подражают своим иностранным собратьям. И когда эти два «инкогнито» встретятся на Николаевском вокзале в Москве, то они либо отправятся отмечать встречу в ресторан, либо, что не исключено, сразу поедут в свою малину. Чтобы там, среди своих, в спокойной обстановке прощупать приезжего, побеседовать, выпить и закусить. Это уж, как водится. Там с питерским «Инкогнито» познакомятся московские парни.

– И тогда они начнут разрабатывать план своего налета? – не выдержал и перебил Трапалова Сергей.

– Торопишься, парень. – Трапалов сердито посмотрел на практиканта. – Это они сделают на следующее утро, когда проспятся и голова у них прояснится. Конечно, нам следовало бы узнать, что они там замышляют, на что нацеливаются, какие сроки намечают. Но пока эта тема для нас закрыта. Ни одного секретного агента среди высших блатных у нас нет. Там все свои, все уголовнички, все сидевшие. Знающие друг друга люди, матерые, отпетые рецидивисты. К ним не подберешься. – Он вздохнул. – Они обсудят планы питерского. Улавливаешь, к чему я клоню?

– Улавливаю, – закивал головой Сергей. – Значит, питерские хотят взять на себя руководство всей операцией? Отсюда представительный коверкот…

Трапалов не отвечал, а только барабанил пальцами по столу.

– Нет-нет. Тут ты ошибаешься. Переговоры начинал еще Боцман, он налаживал связи. Теперь приезжает его ученик. Уровень пониже.

– Все правильно, но раз питерские затеяли эту операцию, значит, они и будут выставлять свои требования, как руководители. Распределят все роли и доли.

– Не спеши, братишка, иначе не получишь коврижков. – Трапалов покачал головой. – Этот вопрос будет решаться не так. Думаю, что после смерти Боцмана московские не согласятся оказаться на вторых ролях. Они же дома. Они принимают гостей, они все тут знают, они хозяева. Значит, они и будут командовать. И доля у них будет больше. Скорее всего, так

и произойдет. После переговоров, когда утвердят план операции и установят срок, в Москву приедут еще несколько питерских ребят. Но москвичей будет значительно больше. Они сильней. Следовательно, – Трепалов поднял вверх указательный палец правой руки, – инициатива за москвичами.

– А на какие вокзалы они нацелились? – спросил Сергей.

– Но этот вопрос не ко мне, на него ты ответишь мне сам.

– Я думаю, это Николаевский, на который прибывает поезд из Питера, Казанский и Ярославский рядом. Очень удобно. Согласны?

– Правильно, молодец, – похвалил Трепалов. – Три объекта в одном месте, это действительно удобно. И наша задача – не допустить этого масштабного ограбления. Перехватить их на подступах. Но когда они будут грабить кассы и как, мы не знаем. Думаю, что эти вопросы мы скоро выясним. К нам наверняка подключатся ребята из Московской чрезвычайной комиссии. Будут негласно там дежурить. Далее?

– Что далее? – не понял Сергей.

– Какую еще одну операцию московские бандюганы надумали проводить?

Сергей на секунду задумался.

– А вторая операция – это ограбление оставленных горожанами пустых квартир.

– Молодец, хвалю. Что из этого следует?

– Очевидно, они разбираются на две группы – одна будет пасти отезжающих граждан, их квартиры, а вторая отправится на вокзалы и нацелится на железнодорожные кассы. Иного не дано.

– Все правильно, – улыбнулся Трепалов. – Рассуждаешь, как настоящий главарь налетчиков. Теперь ты знаешь, что такое большой шмон на практике.

– Да, задачку питерские поставили нам заковыристую, – покачал головой Сергей.

– Две задачки. Притом разные по форме, но одинаковые по содержанию. Поэтому и разговор у нас сегодня будет обстоятельный и долгий. – Трепалов вздохнул, взял карандаш и стал им что-то чертить. – А вот теперь добрались до главного. Этот «Инкогнито» уже выехал в направлении Москвы.

– Что?! Как, он уже в пути? – оторопело спросил Сергей.

– Вот именно. Иринка перед твоим приходом принесла новую телеграмму. Питерские торопятся. Двадцать третьего апреля, то есть вчера вечером «Инкогнито» отправился на Николаевский вокзал в нашем родном Питере.

– Александр Максимыч, я не очень понимаю…

– Что случилось?

– Почему в Петрограде и в Москве вокзалы называются одинаково, Николаевский. Так ведь и перепутать их можно.

– Не перепутаешь, города-то разные. Цари себя очень любили. Память о себе старались везде оставить. Потому и дорога называется Николаевская, в эпоху Николая Первого ее начали строить. Вот так. Они и здания вокзалов сделали одинаковыми. Заметил?

– Конечно.

– Но ничего, настанет время, все переименуем и переделаем. Слушай меня дальше и не перебивай. Дело серьезное, вопросы потом. Понял?

Сергей согласно кивнул головой.

– За нашим с тобой «Инкогнито» в отдалении по Невскому проспекту топал молодой сыщик по фамилии Бурмин. «Инкогнито» был, как я и говорил, в светлом коверковом пальто, с белым шарфом и в светлом котелке. Персона заметная. Только что трости не было. Но описание его лица сыщик не дал. Никаких особых примет. Вернее, увы, не успел. – Трепалов сделал паузу, вздохнул. – Бурмин довел своего клиента до вокзала, сдал там его другому напарнику, а сам отправился к себе на службу. Торопился написать отчет и передать его по

телеграфу в Москву, еще та морока. Но до службы не дошел. И телеграмму не отправил. На обратном пути его убили. Потерял парень бдительность, расслабился. И все. Исчез наш сыщик. Наутро в Фонтанке выловили неопознанный труп молодого мужчины. В спине у него торчала финка. Ее как загнали одним ударом, так и не вынули. Дескать, вот как мы расправляемся с легавыми. Жестокие до омерзения. Неопытный человек Бурмин оказался, в чем-то прокололся. Не заметил, что у «Инкогнито» было скрытое сопровождение. Поэтому, к сожалению, у нас нет описания лица этого варяжского гостя.

Подготовка к встрече

За дверью слышался стук пишущей машинки и звонки каретки. Они уже свыше часа, как заседали. Сергей представил себе, как в приемной Иринка сидит на невысоком табурете, подложив на него пару толстых книг, сверху для мягкости подушечку и продолжает осваивать чужую технику, строит входящим глазки: «Трепалов занят, подождите». – «А что там у него?» – «Проводит оперативное совещание». – «А кто у него?» – «Важный человек из Петрограда».

– Устал уже? – спросил подошедший к нему Трепалов.

– Да нет вроде, – встрепенулся задумавшийся Сергей.

– Потерпи еще, нам надо обсудить все вопросы, чтобы не совершить ошибки. Это Москва, у нее свой характер, а ты в ней новичок. Поэтому слушай меня и не отвлекайся. – Трепалов хитро улыбнулся. – Иринка с машинкой и без тебя справится. Продолжим наше обсуждение. Зато второй наш агент сообразил, что упускать «коверкотовое пальто» ему никак нельзя. Слишком важная персона. И хоть его никто не уполномочивал, он ухитрился-таки без билета сесть в этот поезд. Правда, состав потом специально задержали в Обухове якобы для подцепления дополнительного вагона. Там агента сменил другой сыщик, я его знаю, это Иван Лукин, мы с ним вместе не раз брали бандитов на Николаевском. Активный парнишка. Далее, где-то в районе Твери этот «Инкогнито», Артист или Колдун, заметил наблюдение со стороны Лукина. Опять промах. Чем Лукин выдал себя, не знаю, но предполагаю, что «Инкогнито» решил от него оторваться. Взял саквояж и ушел в другой вагон. Лукин пробрался и туда. Тот в следующий. Так они чуть не весь состав пробежали. А вагоны набиты доверху. Представляешь? Едут торгаши, мешочники. Шум, гам, люди спать собираются, а тут один за другим шастают какие-то. В последнем вагоне «Инкогнито», видя, что деваться ему некуда, не выдержал и бросился на преследователя. У них завязалась драка. Лукин одолел «Инкогнито». Захватил саквояж и потащил его к проводникам, чтобы те помогли связать бандита. Но «Инкогнито» удалось вырваться. Он в тамбуре вырвал свой саквояж и выпрыгнул из вагона, поезд шел не очень быстро. Лукин дернул шнур «стоп», который тянется к локомотиву, сам прыгнул следом и повредил ногу. Поезд остановился. Кондукторы побежали вдоль вагонов, выяснить причину. Куда делся «Инкогнито», неизвестно. Лукин остался в Твери, лежит в медсанчасти. Оттуда он послал нам телеграмму, кратко рассказал о своих злоключениях. Обещал, что через два-три дня встанет на ноги. Но в попыхах забыл-таки, негодник, дать описание внешности этого «Инкогнито».

Обидно. Этому питерскому посланцу надо, обязательно надо в эти дни приехать в Москву. Я уверен, что «Инкогнито», убедившись, что противник повержен, слежки за ним нет, сел в тот же остановленный поезд. Не возвращаться же ему в Питер?

– То есть как это? А чего ему спешить? – не удержался от вопроса Сергей.

– Он спешит потому, что московские бандюганы его ждут. У них нет телеграфа, как у нас, но есть железная договоренность – деловая встреча была заранее назначена на двадцать пятое апреля. – Трепалов рубанул ладонью воздух. – Эти данные я получил от МЧК. Там тоже следят за главарями. Они же мне сообщили, что московский налетчик-связной Гришка-Отрыжка, которого они пасут уже две недели, совершил вчера визит на Николаевский вокзал. Осмотрел там зал, кассы, прогулялся по деревянным перронам. В общем, произвел рекогносцировку местности. Показался своим вокзальным жиганом: дескать, смотрите, я свой, проверяю. Потом его заметили на Сухаревском рынке, он купил там себе драповое пальто, кепку с ушками и кожаный портфель. Но эти вещи надевать не стал, отдал своему сопровождающему.

– Это кому же?

– Есть у него один, по прозвищу Божок. Босоногое отродье. Бывший монах Смоленского монастыря. Обокрал ризницу и бежал. Скрывался в разных городах, пока не оказался

в Москве. Человек мстительный, злобный. У него только руки и ноги работают, а голова так, для обнаружения опасности и выполнения приказа своего главного. Приkleился он к Гришке-Отрыжке, стал его денщиком. Итак, Отрыжка имеет теперь респектабельный вид под стать питерскому «Инкогнито». Улавливаешь ситуацию? Два респектабельных буржуа встречаются на вокзале... Но это не вся компания. Есть данные, что активизировались уголовники другого известного бандюгана Гришки-Адвоката. Эти собираются совершить налет на вещевой склад одной артели. Для этой цели хотят использовать «мотор», чтобы побольше увезти. Своего «мотора» у них, понятное дело, нет, поэтому они либо украдут его, либо отберут на время у какого-нибудь нэпмена. Не исключается возможность, что они пойдут на переговоры с Сабаном.

– А почему не с Яшкой-Кошельком? – не выдержал и вставил свой вопрос Сергей.

– Не думаю, что они этого захотят. У Яньки специализация другая. Не любит он большие организации, зачем ему питерские, лишние хлопоты. Ему бы ограбить буржуя и погулять. Форс любит он, а Сабан и его помощники покруче норовом, их не остановят трудности. Они пострашней парней Кошелькова. Потом не забывай, все они завидуют друг другу, потому хваствают своими подвигами, призывают другого. Так авторитет завоевывают. У Сабана злобы много, как ни у кого другого, тем-то он и опасен. Его парни по его указу, как саранча, могут налететь на железнодорожную кассу, порежут там всех – сторожа, кассиршу, – возьмут деньги и помчатся на другую кассу. Могут и третью захватить. Вот это по-ихнему и называется организовать большой шмон в Москве. Так что, деньги наступают жаркие, сюрпризы начнутся неслабые. Придется всех сотрудников поставить на ноги. Вернемся к нашему «Инкогнито». Если он будет встречаться... – Трапалов сделал паузу.

– С Гришкой-Отрыжкой, – снова не выдержал Сергей. – Этот блатняга под стать Колдуну и возрастом и опытом.

– Ты прав, Будилин. Это первый вариант. Но все может измениться. Московские блатяне народ хитромудрый, намечают место встречи в одном месте и не приходят. Проверяют, не появятся ли поблизости ишаки, легавые. Дают описание одной экипировки, надевают другую. Имеют запасной третий вариант, то есть все делают наоборот. Так что эти коверковые пальто и черный драп актуальны для Петера, в Москве у них экипировка может поменяться. Какая? Не знаю. Может быть, такая, как ты сказал, серенькая и незаметная. Но пока мы будем исходить из имеющихся у нас данных. Итак, «Инкогнито» встречается с Отрыжкой...

– Поэтому нам надо знать их обоих в лицо, – вставил свою фрау Сергей.

Трапалов ничего не ответил, взял со стола папку, раскрыл ее. Наморщил лоб.

– Да, вот еще одна секретная телеграмма. Здесь всего две строчки: «Приезжего из Петрограда будут встречать на Николаевском вокзале в Москве. Готовится Гришка-Отрыжка. Приследить за обоими. Установить их дальнейшее местонахождение. Не задерживать, собрать максимум данных о планах банды. Категорически не допустить ограбления касс и пустых квартир граждан. По возможности разом захватить всех главарей. Подпись Петренко». Ты знаешь, кто такой Петренко?

– Нет.

– Это плохо. Высоких начальников надо знать. Петренко Герасима Никодимыча недавно назначили главой Московской чрезвычайной комиссии. Он с нами дружить хочет. Говорит, что мы должны помогать друг другу. Правильно говорит?

– Правильно, – утвердительно кивнул Сергей.

– Вот об этом же говорит и наш Феликс Эдмундович Дзержинский, председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии – помогать друг другу в большом и малом. – Трапалов встал из-за стола и подошел к висевшему на стене портрету. – Вот он наш нестигающий человек, которого мы называем железный Феликс. На него надо равняться. Согласен со мной?

Сергей только молча кивнул головой.

– Петренко прислал нам телеграмму, считай это приказ. Что скажешь? Выполнять его надо?

– Хорошенький приказ! А людей он нам добавит?

– Всему свое время, практикант. Пока будем обходиться имеющимися у нас силами. Будем выполнять приказ вышестоящей организации. К этому нас призывает высшее руководство. Без дисциплины и подчинения не многое мы добьемся.

– А от Лукина новых сообщений нет? – Сергей решил отвлечь Трепалова от грустных мыслей.

– Нет, ничего нет. – Трепалов замотал головой и сел на место.

– А пароль бандюганов известен? – спросил Сергей с сомнением в голосе.

– Что же, мыслишь ты в верном направлении, – потер подбородок ладонью Трепалов. – Пароль у них должен быть. Но раз мы не идем на встречу, то нам он, как ты понимаешь, не нужен. Нам нужно пройти за ними в то место, где у них начнется деловой разговор. И обязательно подслушать… – Трепалов вздохнул, встал, подошел к окну. Поискав глазами дворника, его не было. Он вернулся к столу. – Так ты догадался, с какой целью я вызвал тебя к себе и все это рассказываю?

– Вы хотите сказать, что я буду участвовать в этой операции?

– Конечно. Ты что, не согласен?

– О чем речь, Александр Максимович, – дернул Сергей плечами. – Я давно мечтаю приобщиться к большому делу. – Он поднялся с дивана.

– Вот и хорошо, парень, садись. Я очень надеюсь на тебя. Хотел провести общее совещание с нашими коллегами из отдела по борьбе с бандитизмом.

– С Феленком, Дегуней, Петровым, – вставил Сергей.

– Да-да, с ними и с тобой. Но обстоятельства складываются так, что я проинструктирую всех отдельно. Ты встретишься с ними только на вокзале. Поэтому будь сейчас внимателен. Запоминай. Если надо, записывай. Инструктаж, предупреждаю, будет долгий. Я тебя не отпущу, пока не буду уверен, что ты прочно все усвоил и не допустишь ошибки. Поэтому сейчас можешь задавать вопросы, не стесняйся. По расписанию поезд из Петрограда в Москву должен был прибыть сегодня в двенадцать часов, то есть в полдень. Сейчас половина десятого. Однако с учетом непредвиденной остановки в Обухово, Твери и по ряду других причин, как сообщили мне с вокзала, поезд задерживается. На пять часов. Это нам на руку. И я решил, что заранее, еще до прибытия поезда, отправлю на Николаевский трех человек. Там будут дежурить Петров, Дегуня и Филонов, он старший. Роли у них распределены – они будут изображать из себя встречающих. Петров и Дегуня на перроне, а Филенок, самый опытный, в центральном зале. Он видел Гришку-Отрыжку не на фотографии, а в живую. Узнает его и без драпового пальто. Так что, если на вокзале появится Гришка-Отрыжка, то он подведет нас к «Инкогнито».

– А если случится так, что солнышко пригреет и наш «Инкогнито» и Отрыжка снимут свои барские одеяния, наклеят себе на физиономию усы, бороды… Преобразятся? Что тогда? Такой вариант не предусмотрен?

– Хорош, Будилин, не строй из себя Артиста, не надо мне театральных постановок. Не добавляй головной боли. – Трепалов стукнул ладонью по столу. – Я высказал тебе свои соображения. И уже сказал, что очень похоже, что вся эта информация о фартовой одежде – коверкотовое пальто, белые шарфы, запущена для отвода наших глаз. Поэтому не тумань мне мозги. Отсюда начинается твоя роль, практикант! Включай свою голову! Если окажется, что «Инкогнито» – это знакомый тебе Артист, он же Боря с моря, то ты сумеешь распознать его?

– Да! Конечно. Можете быть спокойны.

– Хорошо. Но если приедет Колдун?

– Едва ли.

Трепалов недовольно сморщился, почесал в затылке.

– Вот это плохо. Повторяю, у Колдуна есть некоторое сходство со мной. Дегуня видел его фотографии. Он будет с Петровым стоять у паровоза и смотреть на прибывших. Он пойдет за питерским. Твое место на площади перед входом в вокзал. Помни, Колдун по виду крепкий крестьянский парень, а Артиста ты видел, интеллигентная штучка, играл когда-то в Александрийском театре, пока не сошел на скользкую дорожку. Кстати, он был знаком с Мамонтом Дальским.

– Еще один главарь? – усмехнулся Сергей.

– Да ты что, упаси Боже! – замахал руками Трапалов. – Это был большой актер. Лучший исполнитель роли Чацкого. Я не раз смотрел спектакли с его участием. Но потом Дальский увлекся картами. Они его и сгубили, он сблизился с уголовниками, переехал в Москву, познакомился с Сабаном.

– С главарем банды?! – воскликнул Сергей и даже привскочил с дивана. – С ума сойти!

– К сожалению, нашел себе самого известного человека в Москве... – Трапалов покачал головой. – Стал с ним ходить по ресторанам, по девочкам. Так что держись от карт подальше. Понял?

– Понял, Александр Максимович.

– Это не все. Значит так, примерно через пять часов ты отправишься на Николаевский вокзал. Осмотрись там. В зале к тебе подойдет Артем Филенов. Он доложит обстановку. Прогуляйтесь вместе. Только поаккуратнее. Помните, вокруг шныряют разные типы, есть и такие, которые следят за мусорами. Вы в простой гражданской одежде, пристройтесь где-нибудь в сторонке у подоконника. Филенок взял с собой кусок сала, он порежет. Возьми ты в столовой хлеба. Положи в холщовую торбу. Подкрепитесь. Филенок расскажет, что делать дальше. Но вы не увлекайтесь салом. Следите за публикой. На перроне среди встречающих, значит, остаются Деготь и Петров. Первым за приездом отправится Филенок, ты второй, его сменишь. Короче, на месте вы договоритесь, как лучше организовать наблюдение, кто первый, кто второй. Надо довести этого «Инкогнито» до места. Деготь и Петров могут подключиться к вашей связке, будут третьими и четвертыми. Согласен?

– Согласен, Александр Максимович. А если Гришка-Отрыжка прибудет на вокзал не один? Если на своей пролетке? Он подведет к ней своего гостя, сядут оба – и все, след обоих прости. Как нам быть, брать извозчика тоже?

– Еще незадача, – снова почесал затылок Трапалов. – Вот тебе мой кошелек, в нем мелочь и бумажные деньги. В основном «керенки». Есть несколько серебряных полтинников. Их желательно оставить. А «керенки» трати. Особенно не торгуйся, главное, не упусти объекты слежки. Но и не разбрасывайся деньгами, только в случае крайней необходимости. Усек? Деньги казенные, потом отчитаешься.

– Усек. Но если я сяду в тарантас. Как быть с Филенком и другими парнями?

– О них не беспокойся. Они найдут выход. Им помогут. Может быть, мы сумеем «мотор» подогнать к Николаевскому вокзалу. Они в него сядут. Проедутся за вашими пролетками. Потом парни соскочат. «Мотор» вернется сюда на Гнездниковский. Парни знают, что делать им дальше. Кажется, все. Я ведь неслучайно включаю тебя в эту операцию. Она на первый взгляд не сложная, но в реальности могут появиться разные препятствия. Главное, не теряй присутствия духа. Время твоей учебы, Будилин, подходит к концу. – Он вздохнул. – Через три месяца экзамен в московском управлении. Спрашивать будут не только теорию, но захотят познакомиться с твоей практической деятельностью. Я обещал твоему отцу, что буду опекать тебя. Жаль, что нет его с нами. Он был настоящим сыщиком, крепкий, честный, и голова у него хорошо соображала. Мы с ним немало бандитов переловили. Но самого не уберегли. В этом есть и моя вина. – Трапалов вздохнул, помолчал, а потом продолжил: – Ты, Серега, будь похож на своего отца. Только не злоупотребляй моим доверием. Ты неплохо проявил себя в

Питере, постарайся проявить себя с лучшей стороны теперь в Москве. Действуй на вокзале по обстановке. Но возвращайтесь все живыми и невредимыми. Это приказ!

Их разговор прервал телефонный звонок. Трепалов снял трубку.

– Да, я Трепалов, слушаю. С кем соединят? Хорошо. Кто говорит? Понял, что Герасим Никодимыч. Здравствуйте.

Некоторое время Трепалов молчал, что-то записывал, кивал головой и повторял, – все понял, Герасим Никодимыч. Сделаем, наметили уже план, все обсудили. Да, ребята готовы. Спасибо.

Он положил трубку.

– Из МЧК Петренко. Интересуется сегодняшней встречей на вокзале. Они готовы оказать помощь. Но пока мы справимся своими силами. Правильно я говорю? – Он нахмурил брови и уставился на Сергея.

– Справимся, Александр Максимович, – бодро заверил его Сергей.

– Это хорошо. У наших чекистов появилась еще одна секретная информация. Двигай к моему столу, слушай, запоминай и никому ни слова. – Трепалов стал смотреть свои записи.

– Оказывается, этот питерский «Инкогнито» везет план нападения на московские железнодорожные кассы. Значит, питерские займутся этим налетом, а московские – ограблением пустых квартир. Теперь ты понимаешь, какие нам предстоят майские праздники? Петренко сообщил также, что какие-то питерские бандюганы уже приезжали в Москву. Их зафиксировали. Пять человек. Но они, похоже, не от Боцмана. Втихаря от московских, сами осмотрели железнодорожные кассы, установили, что охраняются те из рук вон плохо. Но питерские, понятно, одни не справляются. Город они знают слабо, путей отхода нет, жилья тоже. Короче, ребята Петренко их всех тихо взяли. Допрашивали. Парни рассказали, на какие кассы они нацелились. Ничего про планы Боцмана они не знали. Так что видишь, к московским денежным кассам потянулись питерские ручки. Одни ручки уже укоротили.

Трепалов вышел из-за стола, прошелся взад-вперед.

– Но есть вопрос, который мы с тобой не обсуждали. А Петренко его задал. Если наш «Инкогнито» встретится с Гришкой-Отрыжкой, то к кому тот его повезет? В Москве много банд. С кем из главарей намерен питерский приезжий вести переговоры? С Кошельком, Сабаном, Адвокатом, Айдати или с Толяном Ломом? Ты читал отчеты наших агентов?

– Нет.

– Вот тебе на! – Трепалов резко повернулся и с возмущением взглянул на Сергея. – Это плохо, Сергей Антонович. Делаю тебе замечание. Возьми, пожалуйста, мои ключи, там есть от секретки и немедленно отправляйся туда. Почитай последние отчеты, изучи карту Москвы, особенно в районе Николаевского вокзала, Каланчевской площади, обрати внимание на близкие улицы. Посмотри еще район Сокольники, Хамовники, там полно всяких малин, блатхат. Старайся все запомнить. Только в крайнем случае запиши. Янька Кошелек выбрал для себя Сокольники, а вот Сабана чаще видели в Хамовниках, там, говорят, у него появилась новая зазноба. Он у нее иногда ночует. Но свои налеты с подельниками совершаet исключительно в центре. Кстати, скажи Иринке, чтобы она вызвала мне Филонова, Петрова, Дегуню, эксперта-криминалиста Вадима Акимова и фотографа Егора Белова с его альбомами. Я расскажу им о предстоящем задании. Через два часа жду тебя, Будилин, с докладом.

Старорежимная карта

Сергей рассматривал в секретке разложенную на столе большую карту Москвы. Она была старая, дореволюционная, осталась от прежнего режима. В углу надпись, как на снятой вывеске, – «Московская сыскная полиция» и рядом царский гербовый двуглавый орел. «Строго секретно! Карту из помещения не выносить, не копировать, о ней никому не рассказывать!»

К карте была прикреплена полуустершаяся информационная страничка. Сергей едва разобрал витиеватые строчки, написанные черной тушью. Но все же дочитал до конца. И узнал, что эту карту изготовили по приказу самого Аркадия Францевича Кошко, начальника Московской сыскной полиции, который позднее заведовал всем уголовным сыском Российской империи. С его именем было связано раскрытие наиболее нашумевших уголовных дел в Москве и всей России. За активную и полезную работу по очищению российского общества от преступников разных мастей он получил звание генерала, его милостиво пригласили в Зимний дворец, где император Николай II вручил генералу именные золотые часы. Кошко обещал и в дальнейшем также служить верой и правдой Царю и Отечеству.

Но, как рассказывал старожил завхоз Касьянов, после Октябрьской революции генерал Кошко, спасаясь от ареста, вынужден был с семьей бежать за границу. Работать при большевиках он не согласился – они разорили его имение. Правда, следует отдать должное деятельности Кошко – он многое добился в борьбе против преступности – при нем впервые в России была создана картотека уголовных личностей всей Москвы. В ее заносились фотографии, дактилоскопические данные, особые приметы криминальных типов: рост, вес, цвет глаз, наколки, шрамы. С помощью этой картотеки в Москве быстро навели порядок, многих главарей банд сослали, остальные приутихли и разъехались по другим городам. При нем активизировались агенты, которых внедряли в различные воровские группировки. В 1913 году в Швейцарии на проходившем там Международном съезде криминалистов по раскрываемости преступлений русская сыскная полиция, возглавляемая Кошко, была признана лучшей в мире.

Всю эту работу испортил новый глава Временного правительства Александр Керенский, когда в марте 1917 года объявил о всеобщей амнистии заключенных. Наивный, думал совершивший доброе дело? По его словам, в условиях всеобщей демократизации России бывшие заключенные должны быть вместе с народом, они найдут свое место под солнцем, перевоспитаются, займутся честным трудом. Сказано – сделано. Из тюрем на свободу были выпущены казнокрады, грабители, насильники, убийцы, практически весь преступный мир России, свыше 90 тысяч человек. Куда они пошли, в народ? Нет. Они разбежались. Разъехались по всем уголкам России и занялись привычным ремеслом. Большинство осело в Петрограде, Москве. Образовались банды. И началась настоящая грабительская, насилиственная вакханалия. Этих выпущенных распоясавшихся амнистированных фармазонов назвали «птенцы» Керенского.

Было чему удивиться. Задумывался ли о последствиях такой «демократизации» русского общества Керенский? Отдавал себе отчет о последствиях? Не все в порядке было, видимо, у него с головой. С этим наследием старого режима пришлось заниматься новой властью. От удивления Сергею оставалось только почесать свой затылок. Царские прислужники, оказалось, были гораздо лучше «временщиков». Успешно ловили преступников, сажали их в тюрьмы. Жаль, что такие специалисты, как Кошко, не захотели сотрудничать с новой властью. Зачем сбежал? И все потерял. Сергей вздохнул. Подробная карта Кошко не могла не вызвать уважения к ее создателям. Перед глазами Сергея, как на экране кинематографа, четко вырисовывались окраинные районы с условными обозначениями – скоплениями двух-трехэтажных домов с лабиринтом проходных дворов. Сергей по себе знал, что эти проходные дворы были сущей бедой для милиционеров – в них легко можно было запутаться. А проживавшие в этом

окраинном лабиринте бандиты чувствовали себя вольготно – все подворотни знали. К тому же многие местные поддерживали их, давали приют, прятали награбленное, за что получали свои вознаграждения.

Светлыми стрелками на карте были показаны улицы, на которых имелось освещение, а темными, на которых его не было. Таких оказалось большинство. На окраинах города пропадали серые и темные заштриховки – места возможного расселения уголовных элементов. Красными крестиками отмечались полицейские участки, которые возглавляли приставы. Их было ровно сорок. Синие крестики – это арестные дома.

Секретную карту обнаружил на чердаке завхоз, когда убирал вывеску. Принес ее Трапалову. Начальник сразу оценил ценность документа, выразил завхозу благодарность и велел отнести карту в секретку. Под замок. Разрешил с ней знакомиться только в целях подготовки сотрудников к операциям. Беречь как зеницу ока. В общем, хоть и царская, хоть и старорежимная, но очень даже полезная. И еще Трапалов предложил вносить в нее новые данные, в том числе переименованные улицы, площади, чтобы карта по-прежнему оставалась рабочей.

Сергей взял лупу, отыскал зеленые бульвары. Ему хотелось определить ближайший маршрут движения к Николаевскому вокзалу. Значит, топать ему придется по бульварам к Мясницкой. Можно на трамвае, но это опять висеть на подножке. Нет. Пешком надежнее. От Мясницкой проще всего спуститься к Каланчевке. Там и Николаевский. От карты его отвлекло надоедливое жужжение. В оконное стекло билась крупная зеленая муха. На улице конец апреля, пригревает солнышко, вот она и проснулась. Ищет щель, хочет выбраться из секретки. На свежий воздух просится. Так и преступники, подумал он, как мухи, с началом весны начинают оживать, выползают из подполья, ищут богатые объекты, где можно поживиться чужим добром.

Он подошел к зарешеченному окну, открыл форточку. Муха улетела. На другой стороне улицы медленно прохаживался бородатый дворник в высоком картузе. Длинной метлой он аккуратно сметал незаметный мусор в железный совок. Чистюля нашелся, подумал Сергей, что он там пыль собирает, что ли? Неожиданно дворник поднял голову, и они встретились глазами. Вот плятится в чужие окна. Знает ведь, что здесь работают милиционеры. А может, не знает, вывески-то нет. А часовай для чего? Почти каждый день здесь дворник крутится. Чего ему надо? Выйти, шугануть? Или забрать в камеру и допросить, почему уставился в окна закрытого служебного учреждения? Сергей закрыл форточку, задернул штору и сел за стол.

В этот момент он услышал какой-то подозрительный шорох, раздававшийся сверху. Потолок? Штукатурка сыпется? Пришлось поднять голову. Прислушался. Все вроде тихо. Ничего с потолка не сыпалось. Но едва он склонился над картой и принял ее разглядывать, как снова послышался едва различимый скрип, словно наверху кто-то осторожно ходил. Один шаг, другой, третий… Вот еще напасть, подумал Сергей, наверху чердак, туда отнесли всякое старье, оставшееся от бывших царских полицейских. Остатки сломанной мебели, груда ненужного барахла. Кто-то туда пробрался? С какой целью? Странно. В этом момент на потолке, что-то грохнуло. И все смолкло. Упало чье-то тело? И потом опять этот подозрительный скрип. Воображение Сергея разыгралось.

Некоторое время он сидел в полной неподвижности. Перед глазами рисовались разные картины. Он не знал, что предпринять – доложить Трапалову или самому пройти на чердак и посмотреть, кто там наверху возится над потолком секретки, к тому же падает. Может, это завхоз Касьянов, старожил московской уголовки, который работал еще при Кошко, наводит наверху свой порядок. Этот старорежимный субъект всюду сует свой нос, то ему спуститься в подвал надо, то залезть на чердак. Сергей вытащил из кармана полученные от Трапалова ключи, отыскал в связке один, изогнутый как крючок. Кажется, этот. Идти по пустякам к Трапалову не стоит, ему хватает забот. Некоторое время Сергей прислушивался, но подозрительные звуки больше не раздавались.

Честно говоря, ему просто надоело сидеть над картой. Устал от неподвижности. Хотелось размяться, вот и нашел повод. И дальше действовал по привычке – проверил свой нож, проверенная финочка в кожаном футлярчике, которую прикрепил справа к ремню брюк, сложил карту, запер секретку и неторопливо прошелся по коридору к повороту, за которым скрывалась лестница, ведшая на чердак. Слава богу, никого не встретил. Он стал неторопливо подниматься по нехоженым ступенькам, их всего десять. Дверь на чердак оказалась закрыта. Он подергал ее – она не поддавалась. Что за ерунда, ведь кто-то же вышагивал над головой у него? Он слышал скрип, это были осторожные шаги и потом падение тела. Свой или чужой? Чего его туда занесло? Сергей несколько секунд прислушивался, потом вставил ключ и постарался бесшумно повернуть его. Но ключ застрял, и дверь не открывалась! Ее заперли изнутри! Вот это номер. Он пытался вытащить ключ, тот не проворачивался и не шевелился вообще. Сергей начал осторожно дергать дверь, туда-сюда. Никакого движения. Устав от борьбы с замком, он тонким концом своей финочки сумел наконец повернуть злосчастный ключ и вытащил его. Может быть, не тот вставил? Нашел в связке еще один, похожий, расплещенный и изогнутый на конце, как гвоздь. Вставил его. Ключ повернулся, дверь открылась.

Он глубоко вздохнул. Борьба с ветряными мельницами кончилась, удовлетворенно произнес он про себя. Впереди была сплошная темень. Идти туда одному, не слишком ли большой риск? Но отступать не в его правилах. На всякий случай он покрепче зажал финку в кулаке и шагнул в темноту.

Его глаза не сразу стали различать стены, опорные столбы, перекрытия. Пахло пылью, затхлостью, кошками. В носу защипало. Как бы не чихнуть. Он набрал в грудь побольше воздуха, задержал его, стал медленно выпускать и сделал вперед один шаг, следом другой, третий. Своих шагов не слышал. Под ногами была какая-то древесная труха. Сквозь щели в слуховых окнах проникали тонкие полоски света. Теперь можно было ориентироваться. Слева свалены разбитые столы, кресла, справа какие-то продавленные матрасы. Вот под его ногами появились доски, и они тотчас заскрипели. Черт знает что?! Он остановился. Сердце стучало в груди, словно хотело выскоичить. Внезапно он услышал похожее легкое поскрипывание рассохшегося дерева, которое раздавалось где-то справа. В этом не было никаких сомнений. Едва он начал двигаться, как где-то сбоку возник скрип. Доски откликались? Непонятно. Впечатление создавалось такое, что кто-то двигался вместе с ним. Но он никого не замечал. И вдруг раздался, какой-то шорох, за ним послышалась возня и раздался кошачий визг.

Ему захотелось запустить какой-нибудь палкой в этот клубок напугавших его тварей. Вот ты дрянь какая, подумал Сергей, кошки тут прижились. Еще несколько шагов. Теперь уже в полной тишине. Он перевел дух. Вот и печная труба, она же дымоход. Дотронулся до нее рукой. Теплая, значит, внизу затопили. Готовят обед. Под дымоходом на первом этаже находилась кухня. Еще несколько шагов. Кажется, он вступил на потолок кабинета «братьев-сыскарей». Интересно, они внизу слышат эти шаги? По его лицу покатился пот, он старался не шуметь, даже платок не вытаскивал. Только сейчас почувствовал, какая духота и жара на чердаке. Дальше начинался потолок секретки. Сколько шагов ему еще сделать? И тут произошло то, чего он никак не ожидал. Он споткнулся и чуть не упал. Левой рукой ухватился за перекрытие. Еле удержался. Потом невольно наклонился. У его ног лежало тело. Это был незнакомый ему мужчина. Сергею послышался как будто стон. Он наклонился над ним, тронул за плечо. Человек не шевелился. Мертвый? Застыл? Его лица совершенно было не видно.

– Кто вы? – негромко спросил он.

В ответ молчание.

– Кто вы, отвечайте? – громче произнес он и на всякий случай выставил руку с финкой.

Тишина. Сергей распрямился и в этот момент заметил недалеко от себя какую-то фигуру. Она была неподвижной. Он вздрогнул от неожиданности, сделал шаг к ней, подготовил финку для удара и... И остановился. Ему показалось, что это... Он выдохнул воздух. Это был манекен.

Он вспомнил, что завхоз Касьянов завозил со швейной фабрики соломенные чучела, манекены, чтобы на них, как он объяснил, примерять новую форму для милиционеров. И складировал все на чердак.

Тыфу ты, пропасть, выругался Сергей, вначале кошки, потом манекены его напугали. Один из них упал. Могли кошки его сбить с ног, подставка под ними тоненькая. Но почему скрипели доски? Рассохлись до такой степени, что от любого толчка сами стали поскрипывать? Манекены на них надавили? Или все же кто-то ходил по чердаку. Но спрятался. Или это в темноте все ему показалось? Сергей снова вздохнул, хотел было повернуть назад, но под ногами у него заскрипело снова. Он наклонился и поднял буравчик. Длинный. Такими можно было вгрызаться в дерево, делать отверстия в стенах. И в потолке. Откуда он здесь? Сергей пошарил по полу рукой и нашел небольшую пилку с ручкой. Это еще что такое? Он слегка тронул ногой лежавший манекен, повалил его набок, в его нутре раздались какие-то глухие звуки. У Сергея по коже пробежали мурашки. Он осмелел, наклонился и сунул руку в туловище манекена. Нащупал какой-то железный крюк и вытащил его. Это была настоящая бандитская фомка. Ломик. Таким легко взламывать деревянные двери. За ним вытащил небольшой топорик. Вот это да?! Итак, он нашел буравчик, пилку, фомку и топорик – полный набор для взлома. Значит, кто-то сделал в манекене тайник. В каждом? Сколько их на чердаке? Пять, кажется. Один из них, наполненный этим инструментарием, то ли «устал» стоять, потерял равновесие и опрокинулся, то ли кошки сбили его с ног. Ну и находка. Кто их туда засунул? Уж ни завхоз ли Касьянов? Превратил манекены в хранилище инструментов взломщика. Буравчик мощный. Таким действительно можно просверлить отверстие в деревянном потолке и вести наблюдение, а ночью пилкой выпилить доски в секретке, здание охранялось ведь только снаружи. В общем, было над чем задуматься. Надо будет об этой находке доложить Трепалову.

С чердака Сергей спускался тихо. Не хотел, чтобы его увидели. Если заметят, начнут спрашивать, что делал на чердаке, с манекенами обнимался? Поднимут на смех. Уж Филенок поиздевался бы над его приключением. А Сергею было не до смеха. Идти сразу к Трепалову или позже? А чего спешить? Манекены не сбегут. Потерпят. Вот позже, когда вернется с вокзала, когда установят местонахождение Сабана...

Никто не заметил, когда он вернулся в секретку. Теперь надо было стряхнуть с себя пыль, привести одежду в порядок. Он сел к столу, снова развернул карту. Достал папки с донесениями агентов. Теперь требовалось осваивать материал. Трепалов, наверняка, начнет с вопроса, куда московские жиганы поведут питерского гостя. Что ему отвечать? От Каланчевки есть три дороги – одна в Сокольники, где обитает небольшая банда Айдати, главаря, не очень-то способного на масштабные дела. Зачем Айдати питерский «Инкогнито»? Никакой связи у него с ним не было. Вычеркиваем Айдати. Есть направление в район Разгуляя. Но это место для приезжего едва ли подойдет, не тот масштаб, там полно разных питейных заведений, но все невысокого уровня. Третье – Сухаревский рынок на Садовой – раздолье для воров, менял, попрошаек и всякого прочего сброва, это тоже не место для человека в коверковом пальто. Рынок отпадает. Сам Трепалов намекнул, что питерского поведут, скорее всего, в центр. Кто правит бал в центре? Сабан. Ему нет равных, все остальные главари его боятся. Где Сабан любит бывать? В центральных ресторанах. Чаще всего в «Славянском базаре». Вот, пожалуй, ответ на вопрос, куда московские поведут питерского «Инкогнито». И там, возможно, состоится встреча с Сабаном. Сергей отодвинул карту в сторону.

Раскрыл одну папку, потом встал и посмотрел в окно. Дворника на улице не было. Смылся, почувствовал опасность. Не забыть рассказать Трепалову о дворнике, о манекенах и скрытых в них инструментах для взлома.

В первой папке был отчет Филенова. Что в нем интересного? Как выследили и взяли вора Жорку? Подумаешь, мелкий воришко украл у бабушки Матрены, с которой выпивал, серебряные ложки. Бабка подняла крик. Соседи рассказали прибывшим сыщикам, как происходило

дело, и подвыпившего вора, жившего этажом ниже, застали за рассматриванием этих самых украденных ложек. Но вот отчет агента Вадима Акимова. Совсем другое дело. Этот обстоятельно сообщал куда более важные сведения. В его папке была план-карта района Хамовники. Акимов приводил агентурные данные о личности и поведении Сабана. Сергей углубился в чтение. Сообщаемые факты могли оказаться полезными человеку, который хотел принять участие в операции по захвату главаря. Сергей готовил себя к слежке, к стрельбе, к физическим действиям, может быть, даже к драке. Ему хотелось доказать московским, что питерскому практиканту многое под силу. Он накопил опыт розыскной работы в Петрограде, ходил на проблемные слежки в разные окраинные районы города и получил от Трепалова неплохие отметки. Теперь предстоит испытание в боевом задании. Значит, в кармане пиджака у него появится наган, справа на брючном ремне прикреплена финка в футляре, а слева он через плечо накинет ремень с прикрепленной к нему немецкой плоской фляжкой с чаем. Да, не забыть взять хлеб из кухни.

Сергей хорошо помнил, как сразу после приезда в новую столицу на одном совещании московские следователи предложили внедрить его, практиканта, в банду Сабана. На первый взгляд, всем казалось, что кандидатура Будилина самая подходящая. Молодой, энергичный, крепкий. В Москве его никто не знал. Так что скрываться было не от кого, можно сочинить любую легенду. Оставалось подучить воровской жаргон, усвоить поведенческие особенности московских жиганов, запомнить свою легенду, переодеться в потертое платье и наладить связи с попрошайками, карманниками. От них к настоящим жиганам. Но как проникнуть к главарям? Они чужих к себе непускают. Нужно заслужить доверие низов, нужны доказательства участия в каком-нибудь воровском деле или, не дай бог, «мокром». Это значит Сергею надо по приказу жиганов убить человека, чтобы доказать свою преданность бандитскому миру?

Нет, так дело не пойдет, качал головой Трепалов. Он был против назначения Будилина в агента внедрения. Не его роль. Конечно, милиционеры должны выявить местожительство Сабана, определить его ближайшее окружение, но сделать это следует тонко, без расхода особых сил и уж, конечно, без потерь молодых сотрудников. А Будилин еще не москвич, плохо ориентируется в новой среде. Ему надо сперва внимательно осмотреть районы, завести на местах своих людей. То есть сблизиться с воровским миром не непосредственно, а опосредованно! На этом совещание закончилось, а Трепалов дал ему почитать специальную книжечку с синей печаткой «служебное» – «Москва воровская». Эта книжечка, как и карта, остались в наследство от буржуазной власти.

Сергей внимательно изучал эту брошюруку, запоминал районы и названия банд, обитавших в них, усваивал повадки главарей и феню. Периодически Трепалов приглашал его на допросы известных бандитов. Сергей слушал задаваемые вопросы и ответы, усваивал манеру поведения молодых блатняков, отсидевших уголовников.

Он закрыл папку и снова придинул к себе карту. Его взгляд остановился на районе Хамовники. Жаль, что раньше не видел он этой карты. Она бы ему помогла. Вот Кадашевская слобода, вот старая гауптвахта. Знакомые места. Сергей задумался.

Интеллигент-взломщик

Неделю назад, решив, что достаточно ему всех этих теоретических криминальных премудростей, Сергей в один прекрасный вечер после работы отправился в Хамовники. Захотел на свой страх и риск испытать себя на практике – побродить по злачным местам. Почему туда? По словам Трепалова, у Сабана в Хамовниках появилась новая зазноба. Хорошенькая молодая женщина, жившая где-то недалеко от Хамовнического вала. Главарь часто ночевал у нее. Вот и завертелась у Сергея мысль после работы вечерком погулять по улицам Хамовников. Посмотреть публику, а главное, взглянуть на жилые дома, на предмет съема комнаты или угла. Может быть, удастся связаться с кем из местных. Трепалов не раз говорил, что надо заводить контакты на окраинах, надо иметь там своих людей, осведомителей, которые за небольшую мзду сообщали бы нужные данные. Без такой информации не сумеем мы переловить бандитов.

Сергей прошелся мимо стен Новодевичьего монастыря, вышел на Лужнецкую набережную, вернулся и углубился в лабиринт Кадашевской слободы. И понял, что он искал, подходящее место. Появились те самые бесфонарные, значит, неосвещенные и немощеные улочки, вдоль проезжей части выстроились двухэтажные домишкы с проходными дворами. И чем дальше он двигался, тем местность казалось чужой, враждебной. Возле ворот на низких скамеечках сидели старухи, судачили между собой, грызли семечки и смотрели ему вслед. На закатном солнце грелись бродячие собаки.

В наступавших сумерках недалеко от белой гауптвахты у длинного забора, огораживавшего бывшие царские казармы, Сергей заприметил гулявшую под фонарем размалеванную стройную девицу в кацавейке. На вид ей было около двадцати пяти. Она явно желала, чтобы на нее обратили внимание. Он и обратил. Подошел, поздоровался и спросил, где можно тут купить выпивку. Вина или водки? Ну девка не удивилась, что ее об этом спросили. Сказала, что знает. Назвалась Марусей и пригласила его к себе в гости. У нее в хате есть хорошая настойка, смородиновый самогон. Очень качественный напиток. Мужики такой любят. Обещалась недорого взять, зато у нее к настойке есть закуска – картошка с селедкой.

На первый взгляд деваха была вполне симпатичной, разговорчивой. И Сергей почувствовал к ней расположение. Ему уже виделось, как легко завербует он эту гулявшую девицу, и она за небольшие деньги станет помогать ему внедряться в район, подскажет, как выйти на бандитов. Девица запросила вроде недорого. За выпивку и картошку два червонца. Царских, конечно, а не эти бледные поганки «керенки».

Сергей замотал головой. Царских у него нет. Есть только «керенки» и мелочь. И вообще два царских червонца это слишком. Они уже не в ходу. Договорились на сорок «керенских». А потом, как сказала Маруся, когда он выпьет, то пусть не лезет. Она это не любит. От таких у нее есть кочережка, враз вмажет. Да и сумма маленькая. Он согласился. Девица повела нового клиента в свое жилище. Дом оказался именно таким, каким и представлял его себе Сергей, двухэтажным, с внутренним двором, со сквозными проходными воротами. Правда, когда он шел с девицей по двору, когда огибал непомерную лужу и приблизился к деревянной боковой лестнице, ведшей на чердак, смелости у него поубавилось: какой-то выпивший мужик стал мочиться прямо возле двери подъезда и потом так хлопнул дверью, чтоказалось, сорвет ее с петель, где-то открылось окно, и чья-то рожа плевалась и махала ему кулаком. На шатучей лестнице скрипели ступеньки. От их шагов разбежались кошки. Он все время прижимал левой рукой наган во внутреннем кармане пиджака. Готов был в любую минуту вытащить его и бабахнуть. Боялся, что его могут ударить по голове, столкнуть вниз. На чердаке было темно. Но все обошлось. Маруся открыла низкую, дощатую дверь. Сергею пришлось наклонить голову, чтобы войти. Маруся запалила свечи, указала ему на лежак или табурет. Стульями она не располагала. Возле слухового окна стоял буфет.

Сергей послушно сел на продавленный лежак, стал осматриваться. Она скинула свою кацавейку, сняла свитер, оказалась в пестром домашнем платье. Он присмотрелся, Маруся была в общем-то стройной девицей и довольно смазливой. Жаль, что гулящая, подумал он, а то можно было бы закрутить с ней роман. И она, заметив его довольный взгляд, пару раз покрутилась перед ним, отчего задрался подол ее платья, показались белые трусики: «Ну и как я тебе, люба или не люба? – спросила она и подмигнула.

Он расстегнул ворот рубашки, перевел дух и только ответил: «Люба, люба». Не ожидал такого бесстыдства. Отвел глаза в сторону, взял бутылку, принесенную ей с самогоном, понюхал, вроде не отрава, и принялся разливать в стаканы теплую розовую жидкость. Маруся пожала плечами: мол, нравлюсь не нравлюсь, дело второе, главное, плати, и отошла к маленькой спиртовой плиточке, стоявшей на тумбочке, стала жарить картошку. Потом села рядом, улыбнулась. От нее исходил какой-то жар, от которого у него по спине покатились горячие капли пота, на лбу выступила испарина. Она, видимо, ждала, что теперь он обнимет ее, скажет ласковые слова. И полезет... А у него все в горле пересохло, он просто не знал, как себя с ней вести, что говорить. Конечно, ему хотелось обнять ее. Конечно, он мог бы прижаться к ее плечу, провести рукой по ее гладкой коленке... Но что-то сдерживало. Было в этой девице, в ее внешности, поведении нечто чужеродное, что отталкивало. Она гулящая, с каждым за деньги обнимается, потом падает на свой лежак.

Маруся подняла стакан, они чокнулись, она сделала глоток и посмотрела на него. Сергей пригубил, пить не стал.

– А ты чего это? – Маруся смотрела на него непонимающе.

– Она пахнет чем-то.

– Вот еще! Больной, что ли? Чем пахнет? Это смородина. Чего тогда поперся со мной? Сам же напросился... – Улыбку с ее лица как ветром сдуло.

– Поговорить хотелось.

– Поговорить... О чем? – удивилась она, она накинула на себя кацавейку, приняла суровый вид, понюхала кусочек хлеба и принялась за картошку. – Положи на столик сперва свои «керенские», потом разговор.

Сергей достал из кармана мятую желто-серую бумажку со знаками Временного правительства, разгладил ее и положил под бутылку с самогоном.

– Да вот хочу я поселиться в Хамовниках, тут река недалеко, рыбу ловить можно. Но, говорят, у вас опасно, особенно по вечерам. Потому решил спросить тебя, где жилье найти, чтобы спокойно было.

– Что? Жилье? – спросила она с полным ртом. – Давай у нас в доме. Есть у меня еще одна халупа.

– Тоже на чердаке?

– Да. Но я недорого возьму. У нас в доме ребята хорошие живут, не воруют, не дерутся, ну если когда напьются, то тогда шумят. Ты-то вроде чистенький, непьющий, чего сюда забрел?

– Вот я и говорю, мне, понимаешь, комната нужна, недорого, я одинокий человек.

– Понимаю. Так живи у меня, я дорого не возьму. – Она улыбнулась. – У тебя кошелек небось набит ассигнациями, я чую? – она шутливо толкнула его под бок.

– Какие ассигнации? – возмущенно вскинулся Сергей.

– Ладно, ладно, хорош притворяться. Ты человек с деньгами, это же сразу видно. Кепочка с ушками, пиджачок фартовый. Только не пойму толком, что ты от меня хочешь?

– Хочу найти жилье, но не такое, как у тебя, чердак меня не устраивает.

– Ишь ты, какой выискался, чердак ему не нравится, моя халупа не подходит. Хочешь у старухи остановиться? – Маруся фыркнула и отодвинулась от него. – У нас в подвале живет одна бабуля, беззубая Матренка... Жаба слезливая! Вали к ней, я поспособлю. У нее вообще за кусок хлеба можно кровать снять.

— Хватит дурь нести! — резко оборвал ее Сергей. — Ты лучше скажи, где сама-то обитаешь, ну работаешь? — поправился Сергей, и на всякий случай он стал осматривать чердак.

— А тебе-то для чего это знать? — недовольно сказала она, встала с лежака, подошла к плиточке.

— Да, может быть, и я туда устроился бы.

Она закрыла ладошкой рот, смешливо прыснула.

— Ну, вратъ-то, ты ведь служишь где-то, не скрывай. Не легавый, нет? — Она свела брови.

— Ну, ты что? — возразил Сергей, и его лицо приняло серьезное выражение. — Я учился в Петрограде, в университете, историк, но университет временно закрыли. Нет денег, преподаватели разбежались. Обещали в Москве работу в одной школе, приехал, а место уже занято. Вот такая история. Сейчас безработный. А ты сама, где служишь? — повторил он свой вопрос, стараясь отвести разговор от опасной темы.

— Ох, не спрашивай, бежала бы я оттуда, куда глаза глядят. Хозяин у меня такой жадный, тьфу! Давай еще выпьем. — Она подняла стакан и залпом осушила его. Сергей немного отпил. Жидкость была не очень крепкой, но он все равно боялся отравления.

— Так, где ты служишь? — снова спросил Сергей.

— Да в одном ломбарде.

Сергей насторожился. На всякий случай на лице изобразил серьезность.

— О, почетное место, денежное. Работаешь в ломбарде. Похвально. Туда не каждого берут. Значит, шуршишь ассигнациями, крутишь ручку кассы, правильно я говорю? А кем ты там?

— Ну, естественно, кем-кем, уборщицей. — Маруся при этом скривила физиономию. — Три раза в неделю мою полы и каждый день убираю мусор, подметаю, пыль вытираю. Хозяин обещает мне место в приемной, где все чистенькие сидят за счетами и только три его любимицы у кассовых аппаратов. Но требует за это, сам знаешь что. А я не хочу. Мне он противен. Старый, низенький, вонючий. Его за глаза «Наперстком» кличут. — Она рассмеялась. — По фамилии Мартынов, известный богач. А я ведь грамотная, читать могу и писать, училась печатать на машинке. — Она вздохнула. — Без родителей девчонке плохо. Маманя и батяня у меня умерли. Теперь каждый норовит обидеть бедную девушку. Мне хотелось бы выбраться отсюда. Может, ты меня к себе возьмешь? На содержание? Ты же историк?

— Куда, в безработные? — усмехнулся Сергей. — Скажи, а бандиты к тебе не заглядывают? — решил он спросить напрямик.

— Чего это? — Она непонимающе уставилась на него.

— Ну признают, что ты работаешь в ломбарде, захотят чем поживиться.

Она засияла смехом, плечи у нее так и запрыгали.

— Что у меня дома братъ-то? Штопаные мои платья и драные чулки? Откуда богатство? Мой Наперсток за копейку три шкуры сдерет. Меня в ломбарде к сейфам близко не подпускают. Это особое хранилище, для чистеньких.

Сергей налил ей еще. Она отпила полстакана и принялась за селедку. Разговор вошел в нужное русло. Оставалось разбудить любопытство Маруси.

— Слушай, я вот хочу сдать в твой ломбард одну вещицу... — он повернулся к девушке и улыбнулся.

— Какую? — заинтересованно спросила она.

— Есть у меня портсигар...

— Золотой? — прервала она его.

— Нет, серебряный.

— Ну, это не очень дорого, — фыркнула Маруся и вытерла пальцы о старое полотенце. — Они охотно берут золото, бриллианты. — Принеси покажи мне. Я скажу, сколько он стоит. Сама у тебя куплю. Мои подруги давали мне разные серебряные ложки, вазочки. Не очень много

получили за них. Половину стоимости. А процент по возврату высокий, кажется, пятнадцать. Попробуй выкупи.

– Хорошо, в следующий раз я принесу тебе портсигар и еще у меня есть чайные ложки, они золотые с камушками. Дарили на зубок младенцам.

– Эти подойдут. Они в ходу, – закивала головой Маруся. – Ко мне приходят фартовые мальчики, я им покажу твои вещицы.

– Я представляю, какие у вас там в сейфах богатства? Сколько их? – продолжал свою тему Сергей.

– Чего? – не поняла Маруся.

– Сейфов.

– Да три. Хочешь все взломать? – хихикнула она.

– Ну если только с тобой, – засмеялся Сергей. – И положил ей руку на плечо. – А ты не куришь? – спросил он.

– Да нет. Мне это не нужно. – Она сбросила его руку.

– Жаль, – произнес Сергей и пощупал свои карманы, как бы проверяя, не осталось ли у него табака или папирос.

– Тебя самого-то как зовут? – Глаза у нее приняли серьезное выражение.

– Меня… – Он помедлил. – Ну, Антоном.

– Вот что, Антоша, если ты хочешь поговорить о ломбарде, то выбирай для этого другую девушку, а не меня, уборщицу. У моего хозяина есть договор, там записано, что, если кто будет меня спрашивать, интересоваться его богатством, я должна тотчас сообщить ему. Письменно! Он мне за это заплатит. Понял? Я должна сказать ему, что за человек спрашивал, как зовут, где живет. Ты пришел ко мне в дом с каким делом, выпить хочешь? Так и займись этим, пей. И я с тобой выпью. – Она придвигнулась к нему. Глаза у нее были расплывчатые, уже под хмельком. – Ты зря смущаешь меня непонятными вопросами. Твоих «керенок» не хватит на разговор о моем ломбарде. Клади еще «сороковник»!

Сергей не ожидал такого поворота. У него всего был один казначейский билет. Он встал, прошелся по чердаку. Обнимать девицу ему расхотелось. Его интересовал ломбард. Оказывается, им владел некто Мартынов по кличке Наперсток. Эта фамилия была ему незнакома. Он остановился возле куска зеркала. Взглянул на себя. Сероглазый парень, нос прямой, вид интеллигентный. Белая рубашка видна из-под пиджака. На милиционера вроде не похож. И наконец он решился.

– Хорошо, я заплачу тебе. Но позже, когда ты согласишься мне помочь?

– Мой ломбард грабануть хочешь? – Она сузила глаза.

– А почему нет… – Он засмеялся. – Только одному это не под силу. Сообщники мне нужны, понимаешь. Скажи, ты про Сабана что-нибудь слышала? – решился он спросить ее напрямую.

Маруся дернула плечами от неожиданности, потом уставилась на него немигающими глазами. Брови свела вместе, губы стали узкими, злыми. Ни звука в ответ.

– Вообще-то в Хамовниках его хорошо знают… – продолжил наступать Сергей. – У него, говорят, тоже есть ломбард, – решился он соврать, чтобы продолжить тему. – Подпольный, он для своих, для жиганов. Ничего не слышала?

– Слышала.

Сергей чуть не вскочил. Надо же, угадал.

– Так что слышала?

– Были парни у меня, выпили. Болтали об этом. Зависть их гложет. Заспорили. Чуть не до драки дело дошло, орали тут, давать Сабану золото или тащить его к мамашке Савостьяновой. А ломбард Сабана, они сказали, где-то между Пречистенкой и Остоженкой. – Маруся встала с лежака. Она слегка пошатывалась. – А тебе зачем ломбард Сабана?

– Да мне хватило бы ломбарда Мартынова. – Сергей засмеялся. – А где у Сабана хранилище?

– Положи еще «сороковник», скажу.

– А не совершь?

Маруся подошла к нему.

– Я так и знала, что ты меня о Сабане спросишь. Легавый ты. – Она отошла к слуховому окну. – Хоть и интеллигент по внешности. Ломбард ему нужен. Сабаном заинтересовался. – Она покачала головой. – Сказки мне рассказывает. Интеллигент-взломщик нашелся…

– Да не легавый я и не взломщик, – усмехнулся Сергей. – Успокойся. Меня фартовые ребята из Сокольников послали. Ты живешь в Хамовниках, должна слышать о Сабане. Он главарь. О нем по всей Москве говорят. Вот к нему бы примкнуть, договориться с ним, и твой ломбард будет наш. И ты заживешь, как барыня…

Она сильнее замотала головой.

– Нет, мальчик мой, не та ты птичка, чтобы так высоко залететь. Я ничего не знаю о том, о чем ты меня спрашиваешь. А если я и слышала про то, то не скажу. Зачем он тебе?

– Он сильный человек, умеет проворачивать дела. Мои ребята ему завидуют, – пожал плечами Сергей. – Мне говорили, что он обитает в этих местах. Вот бы к нему примкнуть? Может быть, ты попробуешь? Ты для него ценный человек, работаешь в ломбарде. Скажи ему об этом, он тебе заплатит.

– А потом мне же голову открутят, да?

– Кто?

– Сам Сабан. Его ребятки. Слишком много ты болтаешь, Антошка!

– Не говори ерунды, Маруся. Я тебе помогу. Найдем защиту.

Маруся взяла стакан, разом выпила, встала с лежака и подошла к окну.

– Говорят, он тут в Хамовниках самый главный, он может… – продолжал Сергей.

– Дурень ты, Антоша, право дурень, – надвинулась на него Маруся. – Сам не знаешь, чего мелешь. Ты знаешь, какой это человек? Попадешь ему в лапы, живым не останешься. – Она сплюнула. – Знаю я твоих мальчиков из Сокольников и твою защиту. Ко мне один фрайер сватался. Я его приняла, приголубила, а он оказался с Гнездниковского переулка. Легавый. Тоже про Сабана спрашивал, про хранилище. Я ему ничего не сказала. Так он пришел ко мне еще раз и угрожал. Ты тоже такой. А вообще тебе лучше побыстрее сматываться отсюда. Ко мне скоро другие ребята придут. Им тоже нужна выпивка. Ты не мой гость. Проваливай. Вон на улице темно стало. Шпана выйдет, начнет приставать, финки достанут, поцарапают чужого. У тебя хоть финка есть, обороняться умеешь?

– Ты что, Маруся, откуда у меня нож? – настороженно спросил Сергей и на всякий случай сжал кулаки. – О чем ты говоришь? Я сейчас уйду. Но, может быть, мы могли бы еще раз встретиться, прогуляться. Давай днем, а? Я принесу портсигар, вина, конфет.

– Уходи отсюда, да поживей, – грозным голосом произнесла Маруся. – Обманом меня взять хочешь? Не выйдет! – Она отошла к буфету. Глаза у нее блестели. – За твои сорок «кере-нок» ничего ты от меня больше не услышишь. Где еще сорок? Зажал?! Давай, вали с моей хаты! – Ее голос сорвался и перешел на крик.

Ситуация становилась опасной. Девка, похоже, многовато выпила. Ее понесло.

– Маруся, ты что?! Побойся бога, что ты несешь! Я твой друг…

– А ну выкатывай отсюда, мой друг, безбожник проклятый, сейчас ребят кликну, – закричала Маруся в голос. – Они тебе тут такую карусель устроят, что забудешь мать родную!

Сергей понял, что пора сматываться. Он отошел к двери. И вовремя. Маруся схватила у буфета кочергу и замахнулась. Он тотчас открыл дверь, стукнулся о притолоку и оказался на лестничной площадке. Маруся, заметив, что клиент уходит, не желая доплачивать, неожиданно ударила кочергой в оконное стекло. Осколки посыпались вниз, со звоном упали на крышу. И

по-воровски сунув в рот четыре пальца, она так лихо засвистела, что у Сергея мурашки по коже поползли. На такой свист действительно могла собраться окружная шпана.

Сергея как ветром сдуло. Он загрохотал ботинками по деревянной лестнице. Во дворе никого не было. Но вот сзади открылась дверь, хлопнуло окно, чей-то истошный голос завопил: «Стой, грабитель! Сейчас стрелять буду. Держи вора!» Мимо уха просвистел камень. Что-то тяжелое шлепнулось в лужу. Сзади залаяла собака. Кто-то с матерной руганью выскочил во двор. Сергей через подворотню рванул на улицу и припустился бежать, да так, что ветер загудел в ушах. Обошлось.

Домой он добрался под утро. О своем походе в Хамовники никому не рассказывал, боялся насмешек. Но все же кое-какой опыт приобрел. Завязывать контакты надо по-другому, убеждал он себя. Не стоит торопиться раскрывать цель своего визита.

На проводившемся в то утро закрытом совещании снова рассматривали кандидатуру для внедрения в банду Сабана, его персону отклонили окончательно. Сделал это сам Трапалов. Он как бы невзначай повторил слова Маруси. И тем обиднее было слушать все это Сергею.

– Ты не москвич и не скоро им станешь, – сказал он ему в заключение, когда все стали расходиться. – Есть в тебе питерская закваска. Слишком интеллигентный, много знаешь, речь у тебя не блатная, у тебя на лице написано, что ты умный. И пальчики у тебя белые, чистые. Для грязной работы не подойдут. Такого бандиты в один миг раскусят. Любая девица поймет, что ты подставной, агент. Нет, для тебя мы подберем другое дело, более стоящее. Внедряться в банду, очевидно, придется мне.

– А почему не попробовать Филенка? – спросил тогда Сергей, когда они остались вдвоем.

– Вот дался он тебе. У него есть одна особая примета – его издалека видно. Рыжий. И, честно говоря, я не уверен, что он справится с заданием. Дело очень серьезное, требуются и практика и опыт. Фilonов не выдержан. Он хорош для разовых мелких операций. Я думаю его вместе с Иринкой Сомовой запустить как-нибудь в ресторан. Например, в «Славянский базар».

– В ресторан? – искренно удивился Сергей. – Это для чего? С какой же целью?

Ему стало завидно, что Фilonов удостоится такой чести – провести вечер с красивой девушкой в ресторане. О такой оперативной работе можно было только мечтать.

– Хочу, чтобы они посмотрели на публику, которая там собирается, послушали, о чем говорят богатенькие. Познакомились бы с кем. Мне нужна любая информация о Сабане, во что бы то ни стало! Мне нужен Сабан! Лучше живой, но и мертвый сгодится.

Портреты жиганов

От размышлений Сергея отвлек стук в дверь. Он повернулся – на пороге стояла Иринка.

– Углубился в бумаги, да, задумался? – Она зацокала языком. – Ай-ай, какой серьезный. Скоро твоя подготовка закончится, и все вы отправитесь на большое дело. Пойдем? Александр Максимыч тебя к себе спрашивают.

Сергей вздохнул, сложил карту, убрал в сейф папки и следом за Иринкой вышел в коридор.

– Ну как, можешь рассказать мне теперь, с кем из главарей намерен вести переговоры с питерским «Инкогнито»? – встретил его у дверей кабинета Трапалов и первым делом забрал ключи от секретки. – Отыскал кандидатуру?

– Отыскал, – буркнул Сергей.

– Начинай, а я послушаю. – Трапалов сел за стол.

Сергей стал рассказывать про Якова Кошелькова, настоящая его фамилия Кузнецов. Родился в семье каторжника примерно в 1880 году. Промышлял карманником на Хитровом рынке. Кличка появилась из-за его любви вытряхивать чужие кошельки. Потом стал вором-домушником, залезал в квартиры через форточки, такая появилась у него специализация. Постепенно сколотил банду, вооружил людей. Но свои ограбленные жертвы он не трогает, оставляет в живых. Кроме него есть еще банда Гришки-Адвоката, Казули, в каждой около 30 человека, их парни специализируются на ограблении касс предприятий. Можно назвать в этом ряду и Гусека, но у него в банде всего 13 человек и масштаб налетов поменьше.

– Вот поэтому о них хватит, – прервал Сергея Трапалов. – Нам важнее сейчас банда Сабана, в ней около сорока человек, и ее главарь хочет стать владыкой над всеми другими главарями, превратить их в своих прислужников. Питерские, думаю, будут связываться с ним. Боцман вел переговоры с Гришкой-Отрыжкой, а этот оспатый ближе всех стоит к Сабану. Давай начинай, я слушаю.

И Сергей начал рассказывать о Сабане. Настоящая его фамилия Сафонов, зовут Николай Михайлович. Год рождения неизвестен. Ему примерно сорок лет, может, побольше. Сам он крестьянин, из Липецкой губернии, предположительно из города Лебедянь. Строит из себя московского барина, одевается франтом. Участник многих бандитских нападений. Шесть судимостей. В отличие от Кошелькова, Адвоката Сабан расправляется с жертвами самолично. Стреляет в них, убивает ножом. Его принцип – живых свидетелей не оставлять. Правда, сейчас он старается не пятнать себя кровью. Это делают за него подручные. У него несколько хат, основная в Сокольниках. Но в последнее время зачастил в Хамовники. Там у него проживает знакомая женщина. Он часто ночует у нее. В его банде примерно сорок человек. Его правая рука Капитан, бывший царский морской офицер. В банде есть связной по прозвищу Божок. Некоторые называют его еще Кликун. Он бегает по домам членов шайки, кличет их на сходку. Имеется у Сабана еще один подручный по кличке Грач. У него есть особая примета – наколка на левой руке – «морской якорь», он был когда-то матросом. Этот крутится на разных рынках, присматривается к богатым клиентам, узнает их адреса. Особенность членов этой банды в том, что они не оставляют свидетелей в живых. И после расправы для всеобщего устрашения финкой прикалывают на двери лист с надписью «Черные мстители». – Сергей перевел дух и вздохнул. – Свободное время главари проводят на блатхате у мадам Савостьяновой, блатяки кличут ее просто «Мамаша» или «Мадам». Заведение Савостьяновой находится на Хитровом рынке. Однако сам Сабан перестал там появляться. Для него это слишком низко. Он предпочитает проводить время в шикарных ресторанах, чтобы там с кем-то из богатеньких сразиться в карты. И выиграть. Но последнее время ему не очень-то везет. Однажды в «Сла-

вянском базаре» он проиграл финансовому тузу по фамилии Мартынов, владельцу ломбарда, но, похоже, не очень расстроился.

– Знаю, знаю, читал все это. А какие еще рестораны он еще посещает?

Сергей задумался, наморщил лоб. Посмотрел в окно. В отчетах агентов другие рестораны не упоминались.

– Карту изучил?

– Да.

– Но Москву ты все-таки плохо знаешь, Сергей Антонович. Я тебе помогу. – Трапалов достал стопку красивых папок. – Это меню из центральных ресторанов. Начнем со «Славянского базара». Сабан очень полюбил это заведение. Приходит туда, как к себе домой. Играет там в карты. У него там немало должников. Выбиванием долгов занимаются как раз его подручные – Божок и Грач. Еще Сабан любит выпить. Всем напиткам предпочитает смородиновую водку или наливку. А вот меню из ресторана «Метрополь», куда он также заходит, пьет там также смородиновую водку. Как видишь, очень уважает этот алкогольный напиток. Есть у меня еще меню из «Лондона». Тут все кушанья, которые любят отведывать Николай Михайлович. Они подчеркнуты – это поросенок с гречневой кашей и хреном, рассстегаи с куропатками, стерляжья уха. В нашей столовке таких блюд не подают. Сабана в этих ресторанах любят, сажают на самые почетные места. А все почему? – поднял указательный палец вверх Трапалов. – Потому что кошелек у него набит сотенными старорежимными банкнотами. Подкупает швейцаров, половых, поваров. От них же многое узнает о посетителях. Об особо важных персонах. Вникаешь? – Трапалов сталходить по кабинету. – Скорее всего, его встреча с нашим питерским состоится…

– В «Славянском базаре», – тотчас подсказал Сергей.

– Думаю, что ты прав. «Славянский базар» в самом центре, там полно извозчиков. Сабан любит покрасоваться на людях, приехать на коляске, выставить себя этаким большим барином. Иногда щедрым, иногда скрупульным. Итак… Что мы имеем в нашем меню?

– Одни суточные щи, – уныло произнес Сергей, слегка зевнув и продолжил. – В столовке приготовили гречневую кашу с луком и без печёночки. Хотя лучше раз отведать, чем сто раз услышать.

– Ты не отвлекайся, я про наше рабочее меню говорю. Давай дальше по делу.

– Есть Гришка-Отрыжка, он не принадлежит ни к одной банде, стоит особняком. Он как бы связной между всеми главарями, – нарочито глубоко вздохнул Сергей. – Правой рукой Сабана считается некто Капитан, бывший морской офицер, отсидевший три года на каторге.

– Ты это уже рассказывал. Теперь меня интересует вопрос, куда они сплавляют краденое?

– В основном на Хитровом рынке, приносят в притон той же мадам Савостьяновой. Есть сведения, что наиболее ценные вещи, золото, бриллианты, Сабан складирует у себя дома. А и в своем личном ломбарде в Хамовниках.

– Это что за новость? Первый раз слышу. У Сабана появился свой ломбард? Не знал. – Трапалов уставился на Сергея. – Это не брехня? Откуда у тебя такие сведения? В наших делах я не встречал такой информации. – Он недовольно покрутил головой. – Мне из наших никто ничего подобного не рассказывал.

– Да, была у меня одна мимолетная встреча… – Сергей замолчал.

– С кем, где, когда? Почему не поставил меня в известность? – Трапалов не сводил с него глаз.

– Я ждал, когда начнется разбор дела Сабана. Вот и приберег.

– Начинаю разбор! – резко сказал Трапалов и стукнул по столу кулаком. – Откуда ты выудил столь ценную информацию? Признавайся!

— Я после работы начал изучать, как вы велели, отдаленные районы Москвы. Забрел в Хамовники. Был возле Новодевичьего монастыря, на Лужнецкой набережной, потом оказался недалеко от старой гауптвахты. Вот там прогуливалась одна деваха. Ну я познакомился с ней...

— Так, значит, ты стал шляться по бабам, — прервал его Трепалов и подошел к нему. — Что за деваха, не подстава?

— Не думаю. Она гулящая. Ищет клиентов.

— Вот как. И ты клюнул на нее?

— Я только спросил...

— Ты спросил у нее про улицу, а она пригласила тебя к себе в дом, верно?

— Примерно.

— Как назывался?

— Антоном.

— Молодец, сообразил.

— Ты пришел к ней домой и что дальше?

— Она выставила смородиновой водки. Но я не пил, так пригубил немного. Боялся, что отравит. Она пила, захмелела. Я спросил, можно ли где снять комнату, хотел переехать в Хамовники, река рядом, можно рыбки наловить.

— Она что?

— Предложила свой чердак.

— А ты?

— Чердак мне не понравился. Я не выдержал и спросил, где она работает.

— И что она?

— Сказала, что работает в ломбарде, который принадлежит Мартынову.

Трепалов не сводил с него глаз.

— Вот это новость! Я знаю такой, есть на Хамовническом Камер-Коллежском валу, его хозяин Филипп Андреевич Мартынов, — закивал головой Трепалов. — Все правильно. Продолжай. Это уже интересно.

— Деваха сказала еще, что хозяин Мартынов имеет прозвище Наперсток. Он невысок ростом и плешивый. Очень притесняет ее, копейки ей платит. Она хочет от него уйти.

— Давай дальше, ситуация закручивается занимательная, — нетерпеливо проговорил Трепалов. — Кем же она работает у Наперстка?

— Уборщицей.

— Ага. Это она так тебе сказала. А на самом деле?

— Не знаю, — пожал плечами Сергей.

— И чем закончилась ваша встреча?

— Я сбежал от нее, Александр Максимович. Она выпила. Стала требовать деньги.

— Ты заплатил?

— Я оставил ей сорок керенских. Больше у меня не было.

— Понятно. Гулящая. Адрес этой девахи, надеюсь, ты запомнил?

— Конечно. Не только запомнил, но и отметил его на секретной карте. Это улица Потылиха. Смешное название.

— Ну что ж, неплохо. Очень неплохо. Как кличут твою деваху?

— Маруся.

— И она сама сказала тебе о тайном ломбарде Сабана?

— Нет. Она сказала, что у нее в гостях были какие-то блатняки. Она выставила им смородиновый самогон, и они проговорились. Спор у них вышел, давать Сабану золото в его «котел» или тащить его к Савостьяновой. А этот «котел», ломбард Сабана, она сказала, где-то между Пречистенкой и Остоженкой. Больше ничего не могу добавить.

— Так, новая тема открылась. А где живет сам Сабан, не удалось выяснить?

– Нет, этого она не сказала. Она вообще испугалась при слове Сабан. Сразу изменилась вся.

– Так, значит, наш барин Николай Михайлович обзавелся тайным ломбардом. Посмотрим, как это у него получилось. Ладно. – Трепалов положил руку на плечо Сергея, и он тотчас вскочил. – Сейчас оставим этот разговор. – Он убрал руку. – Садись, не прыгай. Я смотрю, ты самостоятельно предпринимаешь попытки внедриться в воровскую среду. Правильно делаешь, только теперь слушай мой наказ. Дальше – никакой самостоятельности. Я не хочу терять своих сотрудников. Напиши подобный отчет о знакомстве с этой Марусей. Персона интересная. Она может работать на Сабана. Про ломбард напиши и про то, как она раскусила тебя.

– Не думаю, что она раскусила меня, – обиделся Сергей. – Я ей мало заплатил, вот она и задергалась, стала на меня кричать, я и убежал.

– Хорошо. Негативный опыт – тоже полезный опыт.

В дверь постучали.

– Войдите! – недовольно крикнул Трепалов. На пороге появилась Иринка. Только сейчас при свете яркого солнца, заливавшего комнату, Сергей разглядел ее стройную фигурку. Она была одета в какое-то легкое цветное платье, на ногах высокие ботиночки. Вот же вырядилась. Светлые волнистые волосы подтянула кверху, открыла свои маленькие ушки с висящими голубыми сережками. При этом, правда, ее вздернутый нос стал еще больше задиристым, но зато выделялись голубые глаза, живые, с искоркой. И она не преминула тотчас поиграть ими – в угол, на нос, на предмет. Сергей улыбнулся, симпатичная девчонка, только уж больно дерзкая.

– В этой папке срочные телеграммы из МЧК, Александр Максимович. – Иринка положила папку на стол. – И еще у меня в приемной сидят Акимов и Белов, вы их вызывали?

– Да, вызывал. Пусть подождут. Мы сейчас закончим. – Трепалов поднялся, подошел к окну. Улица была пуста. Он отодвинул обе шторы. – Тут какой-то сутулый дворник появился, в окна заглядывает. Ты его не заметил?

– Да видел одного, чистюля, за каждой лошадью убирает.

Иринка не уходила.

– Что-нибудь еще? – обернулся к ней Трепалов.

– Может быть, чаю хотите, Александр Максимович? – Она кокетливо склонила голову набок. – У меня самовар поспел и сухарики есть.

– Вот соблазнительница. Конечно, это не поросенок с хреном, не уха из стерлядки, – вздохнул с улыбкой Трепалов, – но тоже вполне прилично. Давай, неси чай, у нас в горле пересохло.

– Так вот я о дворнике, – сказал Трепалов, когда Иринка вышла. – Ты его тоже заметил?

– Да, он смотрел в окна секретки. Уставился, как… иной шпиц.

– Пока тебе мой приказ, не трогай его. Можешь здороваться, улыбайся и не более того. Мы с ним разберемся, узнаем, на кого он работает.

Через пару минут в кабинет снова вошла Иринка с подносом, на котором стояли два стакана в подстаканниках с дымящимся чаем и тарелочка с сухариками, накрытыми салфеткой. Она тихо закрыла за собой дверь, успев стрельнуть глазами в сторону Сергея.

– Не понимаю, как удается ей их сохранить, – поднял плечи Трепалов. – Всегда есть в запасе и сухарики и даже шоколадки. Нравится тебе Иринка? – неожиданно спросил он.

Сергей покраснел.

– Симпатичная девчонка, но вот на язык больно остра.

– Да, она дерзкая. Но сейчас такие нужны, надо быть дерзким, чтобы… чтобы дерзать. Я думаю, что надо и ее приобщить к нашему делу. Ты познакомился бы с ней поближе. Она сообразительная, все схватывает на лету. Но ей нужен управляющий, ведущий. Ладно, об этом позднее. О чем мы с тобой толковали? – спросил Трепалов, прихлебывая горячий чай.

– О банде Сабана.

– Расскажи, чем она отличается от других.

– Ну я говорил уже, прежде всего жестокостью. – Сергей осторожно взял сухарик. Он знал, что их доставал где-то для Иринки Филенок. Вздохнул. – В отличие от Сабана, – продолжил Сергей и аккуратно положил сухарик на тарелочку, – другие главари проявляют больше гуманности. Они ограбленных не убивают. А Сабан такие принципы отвергает, он честолюбив, жаждет всех запугать и стать главарем всех московских банд. Он может устроить «кровавую баню». И себя и всю свою гопкомпанию называет «Черными мстителями». Самый главный его враг – милиция.

– Можешь назвать последнее злодеяние Сабана? – Трепалов, глядя на Сергея, тоже отложил сухарик, свел брови вместе. – Ты чего не ешь сухарики, брезгуешь?

– Да нет, – начал Сергей, – я дома хорошо позавтракал, могу, конечно, еще. – Он взял сухарик обратно.

– Продолжай, – сухо сказал Трепалов. – А эти сухарики нам дают в столовой, они с нашего склада, понял? Не из магазина. И не из буржуйской Филипповской булочной. Не волнуйся. Так что ешь, не стесняйся.

– Спасибо. – Сергей допил чай и отставил стакан. – Сабан как-то узнал, что его разыскивают сотрудники 27-го отделения милиции и решил сам наведаться к ним. Он и еще несколько жиганов завалились в это отделение и потребовали к себе начальника. Начальник пришел. Сабан назвал себя, а потом вытащил два маузера и бомбу. Тут начальник и его сотрудники так струхнули, что сразу разбежались кто куда. Это была не просто насмешка. Этим действием Сабан показал милиционерам, кто в городе хозяин. А потом распустили слухи.

– Хвалю, ты уловил главное. Или, точнее, самое страшное. Слухи. Бандиты распускают их и тем самым деморализуют население. В силу милиционеров граждане теперь не верят! Понимаешь? – Трепалов поднялся из-за стола, стиснул кулаки. – Поэтому нам нужна победа, пусть маленькая, но очень нужна! – Трепалов стал размеренно ходить по кабинету, потом стукнул несколько раз кулаком по столу. – Нам надо, очень надо разгромить банду Сабана! Потом доберемся до Кошелькова, Адвоката. Но страшней всех Сабан-мучитель. Взять этого кровавого демона за шкирку, показать его всем. И чтобы другие слухи распространялись среди людей. Чтобы сами милиционеры почувствовали себя победителями. И тогда начнется обратный процесс – деморализация, разложение бандитского сообщества. – Он остановился перед Сергеем. – Я на тебя надеюсь. Нам придется наводить серьезный порядок среди сотрудников. А то некоторые стали распускать слухи, что мы, дескать, неспособны справиться с главарями бандитов, мышками-урками. И Филенку я запретил трепаться впустую. Надо всем быть посерезнее. У нас ответственная работа, а не базарная брехаловка. – Трепалов взял папку, прочитал бумаги, прошелся по кабинету.

– Вот это новость! – воскликнул он.

– Что такое? – чуть привстал с дивана Сергей.

– Ну питерские, ну дела творят. – Трепалов от удовлетворения даже топнул ногой. – Они сообщают, что схватили Алешку-Колдуна. Правую руку Боцмана, представляешь?

– То есть как? Тогда получается, что в Москву едет Артист, Боря с моря? – Сергей снова сел.

– Да, это уже точно. И он будет налаживать связи с бандой Сабана. Об этом Колдун рассказал на допросе. Так что твоя миссия несколько облегчается. Кстати, сам ты Сабана на фотографиях видел?

– Нет, не доводилось.

Трепалов покачал головой и открыл дверь.

– Пусть зайдут Акимов и Белов, – крикнул он Сомовой.

Появившийся в кабинете крепкий человек с бородкой четко по-военному представился:

– Эксперт-криминалист Вадим Акимов.

Следом за ним вошел пожилой человек, тоже представился, фотограф Игорь Белов. Он положил на стол толстый альбом.

– Вот, Александр Максимович, принесли вам портреты наших главных заводил – жиганов. В этом альбоме собран цвет бандитской Москвы. Альбом начинали создавать еще при прежнем руководства сыска, при Кошко, мы продолжили и дополнили.

– Давай показывай нам главных «птенцов» Керенского. Так их в народе, кажется, кличут.

– Да, так, – ответил с улыбкой Акимов. – Он выпустил их из гнезда, а нам собирать, чудило!

– Надеюсь, что в скором времени такие альбомы мы выставим в музее, где будем показывать бандитское прошлое Москвы, – сказал Трепалов, и подошел к столу. – Заодно туда же и портрет Керенского пристроим. Хотя гордиться тут нечем.

– В этом альбоме собран весь важняк, основная когорта бандитских правителей, воображающих себя хозяевами Москвы, – подключился к разговору Белов.

– Но-но, полегче на оборотах, фотограф Белов. Хозяева Москвы, это мы – государственные служащие и жители столицы. А время всех этих заводил, жиганов, мазуриков, насильников и убийц, – Трепалов ткнул указательным пальцем в альбом, – подходит к концу. Они заслуживают только осуждения, а лучше пули и каторги. И мы доберемся до каждого! Давай, открывай свое подполье.

Белов перевернул несколько страниц с фотографиями и остановился.

– Вот он наш главный герой – Сабан, главарь банды, он же Сафонов Николай Михайлович. Человек, который наводит страх не только на жителей, но и на милиционеров и свое ближайшее окружение.

Сергей смотрел на фотографию дородного улыбчивого человека, одетого в дорогой костюм с галстуком-бабочкой. На лацкане его пиджака поблескивал значок – золотая лира. Он попытался вспомнить, не попадалось ли ему где в Хамовниках это лицо. Нет, не попадалось. По внешности вылитый Шаляпин. Такие фотки делали в дорогих ателье, их дарили поклонницам. Кто подумает, что этот вальяжный раскормленный господин с мягкой улыбкой отпетый бандит и руки у него по локоть в крови? Рядом был снимок другого уголовника, Якова Кошелькова. Его явно снимали в полицейском участке – в анфас, в профиль. Простой курносый деревенский парень, только что волосы аккуратно зачесаны на косой пробор. Следом появилась фотография другого известного уголовника, Гришки-Отрыжки. Лицо харacterное, одутловатое, в осинах. За Отрыжкой последовала фотография охранника Сабана, его приближенного Пашки-Адъютанта. Коротко стриженный симпатичный парень с большими глазами. Ну а в общем-то он представитель разудалой шпаны из городской подворотни, внешность без особых примет. Фотографии еще одного подручного Сабана, Зюзюки, многократно судимого, в альбоме не было. Вместо нее Белов вытащил рисунок. На нем был изображен худой человек с узким лицом и запавшими глазами. Длинный нос, широкие брови, скошенный подбородок и глубокие морщины возле губ.

– У него отталкивающая внешность, – сказал Белов, – зато он единственный, который спорит с Сабаном на равных.

Потом Белов показал портрет прыщавого лысого парня с мощной челюстью, у него кликуха – Лев Горыныч, большой любитель картежной игры и самогона. Его особая примета – нет двух пальцев на правой руке, мизинца и безымянного, проиграл на зоне. Ему и отбили их за долги.

– Вот главарь другой банды Гришка-Адвокат, прожженный аферист. Внешне ничем не примечательный, только зубы у него гнилые и волосы жидкие. Банда у него поменьше, чем у Сабана, но есть своя специализация.

– Какая? – спросил Сергей.

— Любит автомобили. Это у него страсть. Отобрать у иного богатенького и покататься. Ради «мотора» готов на любое преступление. Но кровь после себя не оставляет.

Сергей обратил внимание на фотографию парня с бледным лицом. Он улыбался, и на переднем зубе виднелась фикса.

— А это кто?

— Это известный Божок, — ответил Белов и посмотрел на Акимова.

— Да, у него такая кликуха. — Акимов закивал головой. — Ни умом, ни умением не отличается. — Он развел руки. — Этот уже несколько раз попадался к нам. Но сумел вырваться. У него сильные руки и крепкие ноги. Служил звонарем в одном смоленском монастыре, потом ограбил его и бежал. Ноги унесли. Ему указывают, кого надо убить, и он убьет. Раненого добывает. Не человек, а зверь. От такого лучше держаться подальше. Психопат. Основная внешняя примета — фикса на переднем верхнем зубе. Сабан его использует для своих убойных дел.

— Ясно, — кивнул Сергей.

— Вот Пыря, по прозвищу «Что стырить», тоже несколько судимостей, толстый, комплексной похож чем-то на Отрыжку. Его приметы — шрам на лбу и откушенная левая мочка уха. Это свидетельства драк со своими. Далее следует более интересная личность, — Акимов указал на фотографию зрелой дамочки. — Это известная барахольщица, мадам Савостьянова Серафима Никитична, заведующая складом краденого. Ей уже далеко за пятьдесят, но она молодится, выглядит аппетитно. Видите, как улыбается. У нее круглые щечки, ласковая улыбка. На самом деле это бывшая проститутка и мошенница. Стала спекулянкткой, хранительницей воровского товара, свое не отдаст и чужое не упустит. Торгует еще девочками. У нее есть на любой вкус. Подешевле находятся в ее малине, ждут клиентов, а подороже сидят по домам, ждут сигналов от Савостьяновой. Могут принять клиента у себя в апартаментах или прийти к нему на дом. Мадам Савостьянова за определенную сумму дает адресок чистых барышень. Ну а дальше ничего особенного, это все простые карманники, барышники, среди них черноволосый Грач, он шатается по рынкам, ходит иногда за отдельными богатенькими. Доводит их до дома. Потом караулит, устанавливает время, когда квартира остается пустой. Есть и медвежатники типа длинного Вали-Сквозняка, Толстого Димы, Толяна-Лома. Лом, самый опытный, он считается главой медвежатников. Вот их фотографии, они работают по наводке. Их приглашают, когда надо вскрыть сейфы. Большого веса в банде не имеют.

— Покажите еще раз этого Гришку-Отрыжку, — попросил Сергей. Перед его глазами снова возникла фотография человека лет тридцати с мясистым одутловатым лицом.

— Вот он наш красавец. — Белов взял в руки его фотографию. — Несмотря на добродушный вид и тучность, тип очень опасен. Он любого может придавить своим животом. Делал такие опыты. Прижал к стенке, и жертва задыхалась в его объятиях. Кстати, для ориентации, у Отрыжки на груди есть татуировка — орел, несущий в своих когтях девушку. Это знак его тяги к женскому полу, любит он молоденьких девочек. Несмотря на отталкивающую внешность, на Хитровом рынке Отрыжка — первый кавалер и успешный соблазнитель. Вот фотографии из его коллекции.

На стол легли карточки с изображением молоденьких девчонок, причем совершенно голых. Снимались они на фоне ковра, принимали сладострастные позы. Под каждой стояла подпись: «Катеринка — сладка как малинка», «Наташка — наша замарашка», «Две Оленьки — симпатичны, когда голеньки».

— Каждая стоит по царскому серебряному целковому, — продолжил Белов.

— А как Отрыжка отыскивает таких девиц? — задал вопрос Сергей.

— Он их делает, — засмеялся Акимов. — У него отработана целая система. В основном находит свой товар на вокзалах среди приезжих, одиноких. Выбирает девчонок лет двадцати — двадцати пяти, которые приехали в Москву из деревни в поисках работы. Знакомится, обещает работу, ведет в питейное заведение, кормит, поит, потом приглашает посетить его контору,

чтобы подписать договорчик. Ведет к себе на хазу, это где-то в районе Большой Ордынки, вежливо разговаривает, вначале деликатность проявляет, но если не соглашаются добровольно, берет силой, отбирает все, одежду, документы и запирает. В общем, еще тот садист. Ну а потом по обстоятельствам. Соглашается на его предложение – он выдает аванс, если нет – запирает в подвал. С согласными отправляется на Тверскую, есть там одно фотоателье, фотографирует и фотки предлагает мадам Савостьяновой. Та приценивается и начинает с ним торговаться. Каждая девчонка стоит от пятисот до тысячи и более рублей. В общем, в свободное от основной работы время занимается торговлей живым товаром и продажей порноснимков.

– Есть еще один интересный богатенький, который, рассказывают, в прошлом промышлял грабежом, – неожиданно сказал Акимов. – Это сведения из «Славянского базара». У меня там есть один источник.

– Это какой же такой источник? – спросил Трепалов.

– Официант Пилюгин.

– И что он рассказал?

– Про Мартынова. Его раньше звали Наперстком. Ростом не велик, на голове никакой растительности. Теперь уважительно из-за возраста, ему за семьдесят, его называют Филиппом Андреевичем. Фамилия Мартынов. Он содержит ломбард в Хамовниках. Ни к какой банде, понятное дело, не принадлежит, но… Его не раз видели в «Славянском базаре», играл в карты с Сабаном. Беседовали, как близкие друзья.

– У Сабана там много друзей, – вставил Белов. – Он со всеми мило беседует. А потом к ним же нож к горлу приставляет.

– Ладно, достаточно, – прервал его Трепалов. – Продолжай про Отрыжку.

– Отрыжка, кстати, тоже любит играть в карты. Играет также с Сабаном. Это его вторая страсть после девочек.

– Точно? – спросил Трепалов.

– Совершенно точно, – кивнул Акимов.

– Вообще, – подытожил беседу Трепалов, – надо помнить, что все они отпетые жиганы, матерые бандиты. И те же девочки, которых приводят к себе Отрыжка, за редким исключением, со временем становятся либо сводницами, подыскивают живой товар для мадам Савостьяновой, либо наводчицами. Короче, все это люди из воровского, враждебного нам мира. – Трепалов потер ладони. – Разгромим банду Сабана, заодно схватим Гришку-Отрыжку, закроем заведение мадам Савостьяновой и фотоателье на Тверской. Впереди много работы. Ну как, Сергей Антонович, задачу усвоил?

– Абсолютно, Александр Максимович.

– Личики запомнил?

– Естественно.

– И девочек тоже?

Все рассмеялись.

– Не очень старался, но…

Акимов и Еремин вышли из кабинета. Часы показывали двенадцать. Они остались одни. Пожалуй, это подходящее время, подумал Сергей.

– Александр Максимович, – негромко произнес он и глубоко вздохнул.

– Что еще? – устало произнес Трепалов и сел за свой стол.

– Хочу вам кое о чем сказать, что меня несколько насторожило… Когда сидел в секретке, то над головой по потолку, похоже, протопали чьи-то ножки. Я услышал шаги…

– Это ты про кошек и про манекены на чердаке, что ли? – Трепалов весело посмотрел на Сергея.

– Да, – оторопело произнес Сергей и непонимающими глазами уставился на шефа. – А вы откуда знаете? – Он невольно попятился назад и плюхнулся на диван.

— Ты скажи, зачем ты один полез на чердак? А? Кто тебя об этом просил? — Трепалов покачал головой. — Опять лезешь, куда тебя не просяли.

— Так ведь у меня над головой в секретке раздавались шаги, вот я и подумал...

— Думает индюк, а человек соображает, тем более сыщик. Ты должен был в первую очередь проинформировать меня, я бы сказал, что предпринимать. А ты сразу на чердак. Ишь, какой прыткий. Ключ сунул, не тот оказался. Так ведь? Признавайся? Ты испортил мне объект наблюдения. Я все знаю. У меня на столе лежит докладная записка о твоем походе на чердак. Написал... Не скажу кто. И ее содержание рассказывать тебе не буду. Теперь давай договоримся о следующем, никаких односторонних вылазок. Только с моего согласия. Понял. Это приказ. В следующий раз получишь от меня выговор.

— Я все понял, — удрученно произнес Сергей. — Больше такое не повторится. А как же воровской инструмент в манекенах?

— Все, эта тема для тебя пока закрыта, хорошо? Хотя... С другой стороны. — Трепалов усмехнулся. — Никто, ни Филенок, ни Деготь с Петровым даже не шелохнулись, когда слышали шуршание над головой. Единственный, кто проявил бдительность, это был ты. В этом отношении ты молодец, но действовал неправильно. Это плохо. Потом я расскажу тебе подробности. Пока ты сидел в секретке, у меня появились новые сведения о нашем «Инкогнито». Иди к столу. Ситуация меняется с каждым часом. Ты знаешь Скобелевскую площадь?

— Конечно, она рядом с нами, там памятник установлен герою Русско-турецкой войны генералу Скобелеву.

— Правильно. Памятник бывшему герою, царскому слуге скоро снесут, а площадь назовут Советской. Я к чему завел речь об этом. По нашим данным эту площадь облюбовали, — он помедлил, — кто, по-твоему?

— По-моему, голуби. Их там несчетное количество.

— Тоже правильно. А кто их кормит?

— Прохожие.

— Правильно, но с поправкой. Мало кто знает, что среди добродорядочных граждан, которые кормят голубей,сыпят им овес, семечки, появляются другие личности, которые гражданами назвать у меня не поворачивается язык. Это уголовники. Для свой сходки они облюбовали площадь Скобелева. Старожилы говорят, что эта традиция сохранилась еще с царских времен. Они не здороваются друг с другом, а садятся на лавочки, осматриваются. Потом присаживаются на корточки и кидают птицам зерно. Эти присядки-корточки означают, присаживайся рядом, ко мне, я свой. И пока птички клюют, они между собой ведут вполне серьезные разговоры. Так что у нас под носом, а еще точнее прямо под носом у городского правительства, расположилась вражья сила, которая обсуждает планы налетов. И никого не боится. Скобелевская площадь превратилась в место свиданий бандитских упырей. Вот что плохо!

— А как же там постовой? Он охраняет генерал-губернаторский дворец, извините наш городской совет. У него там будка. Разве не видит?

— Видеть-то он видит, да не знает, кто это. Не его дело. В обязанности постовых не входит проверка документов у людей на площади. Постовые охраняют вход в здание. Проверяют документы у входящих. А площадь никого не интересует. Этим пользуются жиганы. Для них памятник генералу Скобелеву — самое безопасное место. Кому придет в голову, что кормящие голубей на площади люди — опасные рецидивисты, уголовники с кровавым прошлым? Никому. Уголовники находятся под охраной наших постовых. Такое изобретение московских жиганов. Как говорится, голь на выдумку хитра. Они демонстрируют нам свою независимость, показывают, кто в городе хозяин. Доиграются, время их скоро закончится. — Трепалов сжал челюсти.

— А почему бы нам сейчас не устроить там облаву? Чего ждем?

— Мы наблюдаем за ними, значит, следим, — строго ответил Трепалов. — С площади за главарями отправляются наши ножки. Составляется карта адресов. Поэтому сейчас прекрас-

щать такие сходки нам не с руки. Соберем побольше информации и тогда уже будем действовать масштабно, вместе с МЧК. Всех вырвем под корень. Поодиночке нельзя, вспугнем, молва прокатится. Главное, ты понял, на какие хитрости способен этот народец?

– Да, понял. Давно понял.

– Покончим с этим безобразием и обновим площадь. На месте памятника Скобелеву воздвигнем другой обелиск, посвященный укреплению нашей новой рабоче-крестьянской власти. Не будет там больше воровской шайки. Очистим Москву, наладим нормальную жизнь гражданам. Осталось недолго ждать. Я к чему завел речь о Скобелевской площади. Вполне возможно, что встреча питерского «Инкогнито» и нашего Гришки-Отрыжки состоится именно там. Без всякого ресторана. Поэтому к нам во двор скоро прибудет… – Трапалов помедлил, встал из-за стола и подошел к окну. Дворника на улице не было видно. – У нас во дворе появится специально вызванный для подкрепления «мотор».

– «Мотор»? В самом деле? – недоверчиво переспросил Сергей.

– Можешь не сомневаться.

– Это что, подмога? Откуда вы его пригнали?

– Откуда, откуда, от верблюда! – улыбнулся Трапалов. – Мы тоже не лыком шиты, экс-проприириуем у бандитов то, что они отбирают у буржуев, так что никаких незаконных операций.

– А какой «мотор»? – сразу поинтересовался Сергей.

– Точно не знаю, но, скорее всего, длинный лимузин «Руссо-Балт», он с красным крестом. А главное, крытый.

– Чего? Больничная карета? – с неподдельным разочарованием в голосе протянул Сергей.

– Не старорежимная карета, а современный закрытый экипаж. Красный крест мы на нем завесим, – сказал, как отчеканил, Трапалов. – Главное, никто не видит, сколько человек сидит внутри. Ладно, это не твоя забота. Твоя задача теперь облегчается. Отправляйся за приезжим, иди туда, куда он тебя приведет. Похоже, на Скобелевскую площадь. Это рядом с нами. После возвращайся на службу, доложи об увиденном. Никаких больше самостоятельных шагов.

– Хорошо, но если Отрыжка расстанется с «Инкогнито», мне следовать за «Инкогнито»?

– Да, именно так. Топай за питерским, он для нас важнее.

– Ясно.

– При этом не теряй революционной бдительности. Враг он ведь тоже не дремлет, помни, как они поступили с Бурминым, который следил за «Инкогнито». И за тобой могут организовать слежку. Если попытаются совершить на тебя нападение, стреляй. Патронов не жалей. Действуй так, как подскажет тебе пролетарская совесть. Наган с собой?

– В кармане.

– Наследственный? От отца?

– Он самый.

– Значит, он тебя не подведет. Давай, вперед. Двух часов тебе вполне хватит. Походи возле вокзала, поговори с Филенком, послушай, что он тебе скажет. – Трапалов похлопал Сергея по плечу. – Помни, нам нужно разгромить банду Сабана. Он хитрый и опасный тип. Подступиться к нему трудно.

– Нужно внедрение… – начал было Сергей.

– Именно так. Но не твое. Откормленная рожа этого бандюгана так и стоит у меня перед глазами. Скоро во сне он мне будет сниться.

«Золотой котел» для главаря

С годами у Николая Михайловича появилась новая страсть. Помимо игры в карты он полюбил на досуге рассматривать «добытые» им на стороне золотые вещицы. Слово «краденые» не употреблял, оно для блатных. Со временем вещиц накопилось столько, что в домашних шкафах свободных мест для них не оставалось. Богатейшая коллекция получалась, как у иного шаха, шутил Николай Михайлович и довольно потирал руки. Вот она, основа для ломбарда.

– Куда тебе столько золота, Коляша? – спрашивала Зинка, его тридцатилетняя сожительница, у которой он периодически столовался и ночевал. Хорошая баба, но дура. Правда, она готовила наваристый борщ и гнала отличный смородиновый самогон, который очень пришелся ему по вкусу.

– Не твоего ума дело, милая кума, – отвечал он ей, шлепал по заду и выпроваживал из комнаты. Делиться с ней самым сокровенным не собирался. Мужские заботы ее не касались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.